

Станционный хранитель

Автор:

[Варвара Мadoши](#)

Станционный хранитель

Варвара Мadoши

Сергей Александрович Плотников

Мирная стратегия #3

Андрей Старостин, приглашённый крупной компанией на тестирование альфа-версии игры, успешно построил в ней космическую станцию и умело ею руководил, улаживая многочисленные конфликты между инопланетными гостями. Успешно прошло его административное крещение и в виртуальной реальности. Теперь герой отправлен на реальную космическую станцию, так как местный искин – искусственный интеллект – провалил свою задачу и было решено, что его заменит человек. На месте оказывается, что реальность довольно существенно отличается от игровой симуляции, но выхода нет. Теперь стратегия выживания разумных существ в Галактике – в руках героя.

Сергей Плотников, Варвара Мadoши

Станционный хранитель

1

С детства люблю космос. Читал книги про него, смотрел фильмы. Слушал песни. Одна, чуть ли не самая популярная в этом роде – про то, что рокот космодрома,

мол, нам не снится.

Это все вранье.

В смысле, я не знаю, что конкретно снилось лирическим героям, но космодром не рокошет.

Внутренние кабинеты космодрома звучат как принтеры и кондиционеры, стандартные звонки сотовых, неразборчивые объявления по системе громкой связи, попкивание приборов.

А взлетное поле безмолвно.

Оно совсем небольшое: для каждого типа ракет свой стартовый стол, окруженный небольшой бетонной площадкой – а вокруг стена леса, где тонут лишние звуки. Вдобавок пуск автоматизирован, так что людей у самой ракеты нет. Раннее утро, но уже жарко и сонно. Или так кажется; здесь не видно суеты диспетчерских и контрольных пунктов.

Знойное майское небо, высокое, без единого облачка, дышит пустотой. Не верится, что за этим синим пологом – множество миров, с которым я еще недавно был связан.

Какая-то хищная птица нарезает круги в вышине. Охотится.

Опускаю глаза.

Когда микроавтобус подъезжает к лифтовой шахте, его пассажиры – по крайней мере, те, что летят в космос – исполняют давний ритуал: мочатся на колеса. Даже Белозерова, одна из двоих космонавтов-сменщиков, достала из сумки баночку для анализов, дополнительно укутанную в целлофан. Я тоже достал баночку, содержимого там на доньшке.

– Боишься, что не получится? – прыснул Батурин, второй из космонавтов.

– Это Белкина, – сказал я. – Чем он хуже?

Самого Белкина со мною нет. Его доставят и пристегнут отдельно... точнее, уже должны были доставить и пристегнуть, предварительно дав успокоительное. Хотели вообще накачать снотворным, но потом решили не рисковать: вдруг сердце не выдержит перегрузок. Котов наши до сих пор в космос не запускали, а от собак они все-таки прилично отличаются. Кто знает, как поведет себя их более хрупкий организм.

Белкина две недели готовили, не хуже, чем меня: упражнения, специальная диета... Но две недели – не два года.

– Надо же, – сдержанно удивился Дмитриев, директор полета. В отличие от весельчака Батурина, это собранный, немногословный человек. – А я не знал, что мочу кота можно собрать.

– Нужно купить специальный наполнитель, – объяснил я. – Так ради анализов делают.

Когда лечил Друга, сколько раз я так делал! Да и здоровье Белкина потом проверял...

Но теперь ритуал окончен: все баночки вылиты, да и сам я облегчился. После – не менее традиционные две минуты на перекур, даром что на космодромах давно уже запрещено курить. Да и раньше космонавты тоже не курили: курили сопровождающие. Вроде бы Королев дымил как паровоз...

А может быть, и нет. С первого старта прошло уже больше ста лет, воспоминания давно обросли толстым слоем вымыслов и домыслов.

Использую эти две минуты, чтобы попытаться проникнуться: я улетаю с Земли неизвестно на сколько и неизвестно, когда вернусь.

Но на пафос не тянет. Я слишком устал за эти две недели, когда меня галопом по Европам тащили через курс «юного космонавта» – так его скептически назвала Белозерова.

На самом деле Дмитриев и прочие в штывы встали: мол, они не готовы отправить в космос человека абсолютно штатского, с такими показателями здоровья и

физподготовки, как у меня, да еще и ничего толком не умеющего. Но попробуй скажи «нет» президенту и министерству обороны!

И все же в двухнедельную подготовку постарались впихнуть все что можно и что нельзя. К ВКД (то бишь выходу в открытый космос) я, естественно, не способен, посадить аварийную капсулу тоже, скорее всего, не смогу – но теперь у меня есть надежда, что в случае какого-нибудь ЧП не буду слишком мешать всем остальным меня спасать.

Выйдя из автобуса у подножия «Ангары», мы все четверо – я, оба космонавта и Дмитриев – непроизвольно смотрим вверх, на ракету.

– Красавица, – с нежностью говорит Белозерова.

– Не говори, – вторит Батурин. – Старушка – но еще какая молодец!

Оба, конечно, фанаты космоса и космической техники. Другие космонавтами не становятся. Мне даже неловко перед ними. Белозеровой около сорока, и как минимум двадцать лет она посвятила тому, чтобы попасть в программу и быть отобранной в экипаж станции «Мир-2». Батурин моложе, всего на год старше меня, но зато он инженерный гений, разработавший какой-то крутой процесс для работы в космосе – я в этом не понимаю.

Меня они оба сначала невзлюбили, решив, что я попал сюда по блату. (Правда, по какому, оба оставались в недоумении: потом Батурин со смехом рассказал мне, что одно время ходили даже слухи, будто я прихожусь Лученко то ли любовником, то ли внебрачным сыном).

Потом, конечно, всех заинтересованных лиц посвятили «в эту безумную аферу с инопланетянами», как выразился Дмитриев. Но осадочек все равно остался: даже посвященным невдомек, за какие такие заслуги я выбран представлять Землю перед межгалактическим сообществом.

Ну да, не Гагарин. И достижений особых нет. Зато оказался в нужное время в нужном месте и не был совсем уж размазней.

У подножия ракеты мы не одни: тут уже толпится народ. Казалось бы, режим секретности, но все равно: явились и фотографы «для архива», и какие-то важные шишки, которым не терпится пожать нам руки в исторический момент, и прочая шушера.

Президент Лученко неожиданно тоже здесь. Она жмет мне руку, потом вдруг целует в обе щеки (на самом деле ее губы не касаются кожи, чтобы не оставить след от помады, но со стороны не видно).

– Покажите им там, чего стоят земляне, и особенно русские! – она говорит эту явно отрепетированную фразу очень тепло.

Мне даже кажется, что эта теплота не наигранная. Но слухи о любовнике и/или внебрачном сыне только что явно получили дровишек в костер.

Последние снимки перед лифтом. Мне пожимают руки какие-то люди, фамилий которых я толком не помню. Как их много все-таки – неужели в такой обстановке надеются сохранить секретность? Если бы я был главным, я бы всех разогнал.

Потом – медленный подъем наверх, когда с каждой секундой становится видно все больше леса и дороги; из-за стены берез и елей выплывают соседние площадки с пустыми стартовыми столами – сверху те кажутся выкопанными в земле лабиринтами и поблескивают лужами оставшейся после дождей воды.

Снова стараюсь вызвать у себя подходящие эмоции: как-никак, прощание с Землей. Неизвестно, когда я в следующий раз увижу голубое небо – ее или какое-нибудь другое.

Но нет, ничего. Я слишком устал, хочется только, чтобы все это закончилось поскорее.

Кроме того, мой отлет за границы Солнечной системы по-прежнему кажется нереальным. Мне в него не верится. Точнее, не верится, что меня подберут на земной орбите, как обещали. Как будто все это дурная шутка.

Ну, даже если и так, хоть на халяву в космос сгоняю.

Занимаем места в ложементях. Очень неудобно: места в «Федерации» не так мало, как на старых «Союзах», но на нас громоздкие полетные скафандры. Плюс еще спинки кресел практически лежат на полу. Часть моего обучения была посвящена тому, как правильно расположиться, забравшись в люк... явно недостаточная часть, как я теперь понимаю – того и гляди из-за моей неуклюжести старт придется переносить! Но кое-как все получается.

На одном из кресел, намертво спеленутый защитным костюмом и еще пристегнутый специальной сбруей, лежит Белкин. Он не спит, но напичкан успокоительными – да по нему и видно. Кот только чуть скашивает на меня глаза и приоткрывает рот, словно хотел мяукнуть и передумал.

По радио спрашивают о готовности. Белозерова и Батулин по очереди отвечают. Я тоже, в волнении запинаясь и путая нужные слова. Но все проходит нормально.

Начинается предстартовая проверка, потом – отчет. Все это тянется и тянется. Я умудряюсь подавать положенные реплики; их самый минимум, с меня, как с необученного штафирки, сняли все, что касалось управления модулем. Однако кое от чего отвертеться не удалось: профессиональным космонавтам не видны некоторые приборы дублирующей системы, да и на вопросы о моем самочувствии они ответить, ясное дело, не могут.

Мне просто хочется, чтобы тягостное ожидание кончилось побыстрее.

Наконец вот они, последние секунды.

Я почти жду приступа неконтролируемой паники: мол, выпустите меня, я на это не подписывался, верните меня домой!

Но ничего подобного не происходит, только усиливается жгучее нетерпение. Мог бы, сам бы вылез из ракеты и толкал ее вверх.

А потом из наушников как-то сразу:

– Три... два... один... ключ на старт!

После этого секунду ничего не происходит, и я успеваю испугаться, что что-то пошло не так – но вот нас вдавливают в спинки кресел.

Из ракеты ничего не видно, иллюминатора у меня перед глазами нет. Да если бы и был – он все равно сейчас закрыт атмосферным обтекателем, надеваемым поверх многоразового корабля (именно этот обтекатель мы воспринимаем как кончик ракеты). Я могу только считать секунды, но даже это очень тяжело – перед глазами красная пелена, на грудной клетке словно пляшут гиганты.

Вроде бы уже должна отделиться первая ступень – четыре «морковки» дополнительных универсальных ракетных модулей... или нет? Почему они не отделяются?

Вдруг давление на грудь рывком ослабевает. Конечно, никакого рывка нет, но облегчение приходит так резко, что ощущается именно так. Теперь ускорение создает только последний из пяти УРМ первой ступени, соответственно, оно в пять раз меньше. На самом деле по-прежнему вдвое больше, чем на Земле, но все равно кажется почти нормальным.

Еще минута – и последний УРМ отделяется тоже, мы летим на третьей ступени из четырех. Отделяется обтекатель: меняется освещение в кабине, через невидимый мне иллюминатор попадает солнечный свет. Значит сейчас отделится третья ступень... да, вот оно!

Ускорение пропадает совсем (во всяком случае, ощутимое ускорение), тело становится легким, пустой желудок подкатывает к горлу. Хорошо, что ни сегодня, ни вчера вечером я ничего не ел, только воды попил.

Белозерова спокойным голосом говорит по радиации с ЦУПом, и я вдруг понимаю, что свершилось – мы на орбите.

Скашиваю взгляд, и все-таки вижу краем глаза иллюминатор, но в нем чернота.

Российские космические корабли запускаются по короткой схеме: от старта до стыковки к «Миру» проходит всего три часа со считанными минутами. А потом... а что потом? Не знаю. Потом придется ждать. Не дольше двух дней, сказали мне – заодно организм перестроится на жизнь в невесомости. Потом на связь должен выйти мой транспорт – чей-то частный корабль, который случайно

оказался в нашем позабытым всеми богами районе звездной карты.

И уже с ним я отправлюсь на место своей работы – станцию «Узел», что вращается вокруг невидимой с Земли звезды.

* * *

Огромное полушарие Земли медленно проворачивается под – или над – нами, неописуемо, невыразимо прекрасное. Секционный иллюминатор Купол дает круговой обзор. Когда-то это окно с большими сложностями доставляли на орбиту для американской половины станции. Потом, когда американцы решили сбросить свою часть МКС в океан, наши его выкупили и соединили со своими модулями – теми, что в итоге стали ядром станции «Мир-2». И я понимаю, зачем была вся эта возня: любоваться на Землю как будто из прозрачного колпака дорогого стоит.

Та самая песня из прошлого века снова приходит на ум. Но по матери я не скучаю. Я стараюсь загнать поглубже сомнения и мандраж.

– Лично я считаю, что это розыгрыш, – говорит Коля, и в душе я абсолютно с ним согласен.

Вообще-то он командир станции «Мир-2», Николай Эльдарович Ахмедов. Старше меня на двадцать лет, с двумя учеными степенями (кандидат химических наук и доктор наук внезапно в области литературы). Но сразу попросил называть его Колей, – мол, у них тут принято называть друг друга просто по именам – и отказать я, конечно, не мог.

На станции он мотает уже второй срок и останется еще на один, мы с Белозеровой (Женей) и Батуриным (Русланом) – новое пополнение.

Точнее, эти двое – новое, а меня, по идее, должны отсюда забрать. Кроме Коли, Жени и Руслана на станции еще два космонавта из предыдущей смены: Олег Кирсанов и Нараян Каушик (из Индии, по соглашению). Они также встретили мое прибытие со сдержанным недоверием. Сдержанным – потому что космонавты максимально тактичные и вежливые люди. Иначе в этой консервной банке и недели не продержишься.

– Ладно, розыгрыш, – хмыкает Женя. – Что-то дорогая шуточка выходит. Не то чтобы бы мне было неприятно общество Андрея и его друга...

– Общество его друга тебе приятнее всего, – смеется Батурин.

Белкин, словно в подтверждение его слов, мяукает. Кот чувствует себя в невесомости как дома – даром что никаких тренировок не проходил.

То есть сначала он явно испугался, его даже стошнило немного. Но потом быстро привык. Похоже, ему нравится – минимум усилий, а какие далекие прыжки получаются!

Во всяком случае, акробатике работы в невесомости он обучился быстрее меня.

А уж как он пришелся по душе моим временным коллегам, словами не передать! Особенно ребятам из старой смены, которые торчат на станции уже давно.

«Даже не думал, что у сфинксов такая мягкая шерстка, – сказал командир при первом знакомстве с ним, и был у него тон человека, к которому прилетел тот самый волшебник в голубом вертолете. – Думал, они голые. А они как замша...»

Сейчас Белкин сидит на руках у Нараяна и самозабвенно мурлычет. Я его помню таким довольным только после полутора часов наглаживания станционными неписями. Похоже, мой кот уверен, что попал в рай. До этого момента я и не знал, что он настолько общителен.

Надо будет что-нибудь придумать, чтобы его не обманули в лучших чувствах, когда окажемся на станции. Это не виртуальность, там может быть опасно. Вдруг кто-нибудь решит похитить Белкина? Или пнуть? Или угостить чем-нибудь ядовитым?

– ...Но мои чувства – это мое личное дело, – продолжает Женя, – а задачи программы – это задачи программы. Андрей, к сожалению, не может делать на станции никакой полезной работы.

Тут Женя, разумеется, полностью права.

Как ни дорог подъем космонавта, пробелы в научной программе, скорее всего, стоят еще дороже. Станция «Мир-2» ведь на орбите летает не за тем, чтобы специальными шпионскими лучами влиять на американские президентские выборы. На ней проводятся эксперименты, испытываются новые технологии и ведутся астрономические наблюдения.

Может, я бы и сумел внести какой-то вклад, выполняя эксперименты «по бумажке»: в том же титровании ничего сложного нет. Как повар по основной специальности, я обучен мелкой работе руками, и следовать инструкциям обучен тоже. Но какая пощечина в лицо тем, кто годами тренировался, чтобы сюда попасть!

– Да нет, – машет руками Олег, – не бери в голову! Самые важные эксперименты на космической станции выполнили еще в прошлом веке. Сейчас нам дают задачи типа «вскипятить водку в самоваре», лишь бы время занять.

– Чего? – фигею я.

Нараян улыбается уголком рта, а Женя фыркает. Руслан один весело смеется.

– Преувеличиваешь, – серьезно возражает Батурин. – В самоваре кипятили обычную воду, и это было в позапрошлую смену. А в нашу смену мы сравнивали рост плесени на разных видах продуктов. Это, кстати, был школьный проект.

– И очень хороший, – серьезно говорит Нараян. – Я попробовал много интересных русских блюд! И моя жена вне очереди передала нам... вкусняшки, – на последнем слове он сбивается, словно не слишком твердо помнит его по-русски.

Я фигею снова, и тут мне наперебой рассказывают, что еще со времен МКС ситуация, когда космонавтам (а тогда и астронавтам тоже) особо нечем заняться – совершенно в порядке вещей. Самые важные эксперименты в космосе уже проведены, глазеть на звезды тоже постоянно нельзя, да и многое делается телескопами в автоматическом режиме. ВКД – большая редкость, их может быть одна-две на смену и даже не каждый космонавт к ним допускается.

Вот и придумывают для обитателей станции разные умеренно полезные занятия, типа приготовления борща в невесомости и разговоров с детсадовцами по скайпу («А что нужно делать, чтобы стать космонавтом?» – «Для начала –

хорошо кушать и делать зарядку каждый день!» – пародирует Олег, потешно кривляясь). А школьникам, в отличие от тех детсадовцев, даже дают возможность предлагать эксперименты для проведения в невесомости: нужно просто подать заявку онлайн и выдержать несложный конкурс.

– Поэтому, – продолжает Коля, – в том, что тебя сюда подняли на волне хайпа, ничего нет удивительного. Мне интересно другое – наше правительство правда верит, что за тобой прилетит НЛО?

– Убедить в чем-то политиков – не так-то сложно, – морщится Женя.

– Обязательно прилетит, – вдруг говорит Нараян. – Наверняка были стальные доказательства.

– Ага, – кивает Руслан, – титановые, – и смеется.

– А как хоть выглядит этот пепелац? – спрашивает Коля. – Эти умники из ЦУПа ничего мне не сообщили.

– Не знаю, – развожу я руками. – Я вам могу нарисовать основные виды космических кораблей для каждой из рас, с которой я сталкивался, но мне не сказали, какой за мной прилетит. Похоже, отправят попутку.

– Знаешь что, а нарисуй ты мне правда эти силуэты, – говорит Коля. – Хоть знать будем примерно, чего ожидать.

– Но они могут и по-другому выглядеть! Я же не знаю, как именно наши дизайнеры над вводными поиздевались! – тут я соображаю, что на самом деле мне все эти «вводные» кинули, их нужно просто посмотреть. Черт, надо было выкроить на это время... например, оторвать от тех пятнадцати минут в день, которые я проводил за едой.

Космонавты переглядываются.

Коля вздыхает.

– Ладно, будем надеяться, что нас предупредят о дорогих гостях хотя бы за час-другой.

– Слушай, и ты правда этого всего чисто через игру добился? – спрашивает вдруг Женя.

В глазах у нее неподдельная зависть.

Почему-то – путь ассоциаций извилист – вспоминаю Оксану, и мне становится жаль, что я не попрощался с ней. Даже номер не взял, так что и написать потом не мог.

– Чисто через нее, – говорю я. – Сперва тестировал... ну как тестировал, получилось, что больше просто играл. Потом оказалось, что с моей помощью искин настоящей станции решал свои задачи...

– И кот был с тобой? – это уже недоверчиво спрашивает Олег. Последнюю минуту он почесывает Белкина за ухом, надеясь, что тот перейдет на руки к нему, но он пока хранит верность индийцу.

– И кот, – говорю я.

– А они точно нормально там к нему отнесутся? – спрашивает Руслан. – А то, может, пусть он тут лучше с нами потусуется? – и смотрит с надеждой на Колю.

– Соблазнительно, но нет, – серьезно говорит наш командир. – Программой полета не предусмотрено.

– А что предусмотрено программой полета?

– Предусмотрено, что сейчас и до семнадцати ноль-ноль, то есть до ужина, мы все находимся на своих рабочих станциях. Кроме кота.

У меня тоже есть рабочая станция. И даже работа есть: я занимаюсь изучением массива документов, присланных мне с настоящей станции «Узел». Как я понял, кое с чем я уже успел познакомиться через игру, а пуще того, через данные, которые мне передал Нор-Е – один из живых операторов, общавшийся со мной

посредством своего непися-аватара. Но теперь их объем разбух в несколько раз.

А у меня за эти две недели не было времени даже одним глазком заглянуть в эту инфу: предполетная подготовка сжирала все время и даже немного больше.

Теперь же время наконец появилось.

С трудом, перебирая руками по стенке, мне удастся доползти до своей зоны. (В невесомости я за эти две недели тренировался только два раза, и не сказать, чтобы делал большие успехи.)

Думаю, что даже странно: почему-то меня совершенно не волнует, что будет со мной, если меня не заберут. Во-первых, я счастлив оказаться в космосе, можно сказать, всю жизнь ждал. Во-вторых, это все не моя забота. Моя забота – хорошо сделать дело, на которое я подписался, и только. Стоит так решить, и жить вообще становится легче.

В этот момент на командирском пульте загорается сигнал о выходе на связь.

– Станция «Мир-2», – говорит голос незнакомого мне диспетчера, – к вам приближается неопознанный летающий объект!

– Вас не понял, повторите, – нейтральным тоном произносит Коля.

– Неопознанный летающий объект, на восемь часов от вас в плоскости эклиптики. Переключаю на него.

Голос диспетчера пропадает. Взамен звенят какие-то колокольчики, и из динамика раздается совсем другой голос. Он говорит по-русски, но неуверенно – слова проговаривает четко, а интонация совсем не та, и паузы между словами не там.

– Абдуркан Рахман вызывает станцию «Мир-2». Вы меня слышите? Прием.

Коля тянется к микрофону. Его душевное состояние выдает разве что короткая пауза перед тем, как он нажимает кнопку.

– Слышу вас хорошо. Вы собираетесь с нами стыковаться или предполагается выход в открытый космос? Прием.

– У меня универсальный переходник, могу стыковаться со шлюзами любых конфигураций. Пожалуйста, укажите стандартными обозначениями верх и низ. Прием.

Коля оборачивается на меня.

– Какие стандартные обозначения? И зачем?

К своему удивлению, я знаю ответ:

– Голубой огонь – верх, оранжевый – низ. У них искусственная гравитация.

– Да вашу ж машу! – Руслан внезапно почему-то злится, хотя только что веселился. – Вот так запросто – и гравитация?!

– Ну и дела, – бормочет Коля. – Я правда сейчас говорил с инопланетянином!

У меня шок похлеще: я только что говорил с персонажем компьютерной игрушки!

2

Мы все сгрудились в контрольном центре: это маленький закуток, где над «конференц-столом» (крохотным таким раскладным столиком) еще во времена МКС приклеили фотографии Гагарина и Королева, а стены увешаны компьютерами и другими приборами. В полу тут есть два крохотных иллюминатора – не то же самое, что гигантские окна Купола, но Купол развернут в другую сторону, к Земле, он нам сейчас бесполезен. Впрочем, из этих иллюминаторов тоже ничего путного не видно.

– Где же, черт возьми, этот Чужой... – бормочет Коля.

– Может, ошибся? – предлагает Олег. – Пошел на стыковку с каким-нибудь спутником побольше и удивляется, чего ему никто не отвечает?

– Типун тебе на...

Тут словно по заказу оживает радио. Оттуда снова доносится перезвон колокольчиков, потом – уже знакомый голос «этнографа и великого путешественника».

– Станция «Мир-2», нахожусь на расстоянии ста километров, приближаюсь. Прием.

– Абдуркан, наш радар вас не берет. Уточните координаты. Прием.

– А он и не должен брать! – отзывается путешественник довольно легкомысленным тоном. – Это моя маскировка. Мне ее установили на планете... впрочем, ее название ничего вам не скажет... в благодарность за одно важное дело, детали которого я не имею права разглашать. Не снимаю ее по просьбе вашего правительства. На расстоянии прямой видимости меня можно будет заметить. Прием.

– Я пошла в Купол, – решительно заявляет Женя, пока Коля обменивается с инопланетянином техническими подробностями. – Кто со мной?

Разумеется, с ней отправляются почти все – кроме Нараяна, который по расписанию должен быть на подхвате у Коли.

В Куполе нам четверым еле хватает места. Мы как зачарованные палимся на Землю – там сейчас ночь, почти ничего не видно, потому что мы пролетаем над океаном. Олег первым замечает:

– Смотрите-ка!

Корабль Абдуркана выглядит как блестящая точка, крупнее и ярче далеких звезд – маленький диск. Он быстро, слишком близко на мой вкус, приближается.

К моему удивлению, он совершенно не похож на формы космических кораблей, которые я видел в игре. Больше всего он напоминает сморщенный огурец или баклажан со странными выростами.

- Как он будет стыковаться? – бормочет Женя. – Ему ведь нечем...

- Инопланетные технологии, должно быть, – отвечает Олег. – Меня больше интересует, как он так быстро затормозит! Если двигателями, то там же адовы перегрузки...

- Искусственная гравитация, должно быть, – передразнивает его Женя.

- Как? Как на этой крохотуле – и антиграв?! – убитым тоном вопрошает Руслан.

Известие об антигравитации, очевидно, затронуло в нем что-то личное.

Мне тоже любопытно, как Абдуркан собирается пристыковываться. И я очень скоро получаю ответ на свой вопрос.

С нашей точки зрения кажется, будто его кораблик «падает» на наш стыковочный разъем. Ну или снижается, но слово «снижение» не передает всей скорости процесса.

Когда до контакта остаются считанные метры, его корабль замедляется, каким-то чудом мгновенно гася инерцию. А еще через секунду из носа выныривает гибкий и широкий шланг. Он похож скорее на щупальце или на хобот, чем на порождение техногенной цивилизации. На конце его раскрывается широкий цветок какой-то присоски, которая обнимает наш шлюзовой разъем в любовном объятии.

- Обалдеть, – шепчет Женя. – И никаких тебе стыковочных конусов!

Что такое стыковочный конус, я знаю, проходили: когда «Федерация» состыковалась с «Миром», конус отвели в сторону, и нам пришлось протискиваться мимо него, втянув животы.

– Ну что, – говорит Олег. – Пошли встречать гостя. Андрей, ты в курсе, его хлебом-солью можно кормить? Какой у него там метаболизм?

Вспоминаю свой кулинарный конкурс. Раса Вергааса – как она там называлась, опять забыл! – вроде бы имела примерно ту же цветовую кодировку, что и я сам. То есть углеводы и сахара земного происхождения, по идее, не должны стать для него ядом...

Но это в игре. Хотя на том этапе искин уже активно вмешивался в сюжет, как я понял.

И все равно поставить на то, что эта инфа верна, свою или чужую жизнь я бы не решился.

– Понятия не имею, – говорю я. – Но он ученый этнограф. Расскажите ему пару-тройку анекдотов, и он будет счастлив.

* * *

Но прежде чем Абдуркан вообще появляется на станции, Коля ведет долгие переговоры по рации как с ним, так и с Землей. Нужно выяснить, что его воздух действительно подходит для дыхания, что он не занесет нам болезнетворные организмы – и наоборот, что мы его чем-нибудь не заразим. Все это разрешается ко взаимному удовлетворению: состав атмосферы на корабле этнографа близок к земному, а средства обеззараживания работают автоматически и куда совершеннее земных.

«М-да, – думаю я, – раз так, почему на моей станции вспыхивали эпидемии?»

Впрочем, далеко не от всякой болезни можно защититься поверхностным обеззараживанием, это даже я знаю. А кроме того, эта сюжетная линия может быть целиком фантазией разработчиков, созданной под влиянием памятных им эпидемий начала века.

В общем, Абдуркану разрешают вход, после чего мы выворачиваем люк.

Инопланетянин всплывает на станцию, и я испытываю первый шок.

Во-первых, он оказывается совершенно не похож на себя – в смысле, не похож на тот образ своей расы, который нарисовали наши разработчики. Их высоколобые лица со свисающими носами и длинными костяными подбородками напоминали мне то ли маски из фильмов ужаса, то ли Месяца Месяцовича из старинных киносказок. Но оказывается, что он выглядит куда антропоморфнее, чем я думал! Да, вытянутое лицо – такие принято называть «лошадиными», – да, очень длинные руки и ноги. Однако если бы я не знал, что передо мной самый настоящий инопланетянин, мог бы принять его просто за очень уродливого человека.

Вдобавок он разрисован как танцовщик варьете... ну или как клоун, который изображает танцовщика варьете. Веки у него подкрашены голубым, на лбу и скулах – широкие полосы блесток, рот ярко-алый, на щеках румянец в тон. А его костюм кажется откровенно шутовским: трико из разноцветных ромбов с воротником, собранным словно из листьев папоротника, торчащих в разные стороны.

Вопреки моим ожиданиям, в невесомости Абдуркан чувствует себя уверенно: спокойно пролетает по проходу прямо на нас, вовремя тормозит пальцами ноги, обутой то ли в толстый носок, то ли в мягкий сапог.

– Приветствую, земляне! – он жизнерадостно улыбается до ушей, показывая пластины зубов: очевидно, его соплеменники произошли от травоядных животных. В игре у них были, наоборот, острые зубы хищников. – Отлично выглядите сегодня!

Мы переглядываемся: все мы одеты повседневно, как удобнее на станции – тренировки, шорты, футболки, все такое.

– Если мои слова или действия покажутся вам обидными, прошу немедленно мне об этом сказать! – все так же широко улыбаясь, продолжает Абдуркан. – Ведь я изучал Землю только по литературным и видеоисточникам, а у вас так много культур, что демон ногу сломит!

Тут я понимаю, что происходит. Этнограф пытается казаться у нас своим. Отсюда и макияж – небось, не разобрался, что он даже не женский, а вообще сценический, и покрасился, чтобы прихорошиться.

– Обязательно скажем, – говорит Коля. – В свою очередь, прошу нас извинить, если ненароком обидим. Мы первый раз общаемся с инопланетянами.

– Ой, ну не совсем, милые мои! – он подмигивает. – Вот капитан Старостин – я вас сразу узнал! Он уже отлично показал себя в межпланетных контактах!

С этими словами он улыбается и подмигивает Жене.

– Андрей Старостин – вот, – она кивает на меня.

Тот тут же оборачивается ко мне и прижимает длинные руки к груди:

– Ох, прошу меня извинить! Я изучил ваши фотографии, но к физиогномике другой расы нужно привыкнуть, сами понимаете.

Ага, очень изящно сформулировано «вы люди все на одно лицо».

– Хорошо, – говорит Коля. – Скажите, какова ваша процедура отлета? Какой она требует подготовки? Как скоро вы можете стартовать?

– Хоть сейчас, – улыбается Абдуркан. – Только мне нужно провести мелкий ремонт. С последней планеты, которую я посетил, я удирал в спешке, пришлось бросить там кое-какие инструменты. Надеюсь, они достались на ужин ребятам, которые пытались поужинать мною.

– Знаете, – говорит Коля, – у нас вряд ли найдутся инструменты, которые вам подойдут. Наши технологии...

– О, я думаю, найдутся, – беззаботно говорит Абдуркан. – Кажется, на вашем языке это называется «кувалда»?

* * *

К концу этого дня ощущение сюрреализма достигает апогея. Мне не верится, что еще с утра я был на Земле, на Восточном, потом летел в космосе, потом общался с остальными жителями «Мир-2», обсуждая с ними тяжелую судьбу

современной космонавтики, потом помогал инопланетянину чинить кувалдой его космический корабль (кстати, эту кувалду Коля от всей широты русской души ему подарил).

Потом еще жизнерадостный сугирру – сугирру, вот как называется его раса! – водил желающих (а желали, конечно, все) на экскурсию по его кораблю.

Правда, смотреть там оказалось не на что: бледно-голубые стены, никакой мебели – она вся вытаскивалась из стен при необходимости. Пространства тоже минимум.

Правда, изнутри корабля можно добраться до любого оборудования, даже до двигателя – для этого есть специальные люки. Узнав об этом, Руслан очень просил показать ему антигравитационную установку. Мол, всю жизнь мечтал.

Абдуркан только головой покачал: «Извините, друг, я бы с удовольствием, но она пока на гарантии! Сдерешь пломбу – и поминай, страховка, как звали. Вы не представляете, один раз, еще когда у меня был прошлый корабль, не такой скоростной, как этот, мне пришлось залезть в эту камеру и убрать ограничитель скорости... Я тогда удирал от пиратов-старателей в поясе астероидов одной далекой системы. И что же? Мне не просто отказали в ремонте, а еще и штраф пришлось платить за нецелевое использование, хотя я и пытался доказать в суде, что речь шла о вопросах жизни и смерти!»

В утешение он подарил Руслану свою книгу «на настоящей бумаге и еще с автографом автора, через тысячу лет будет раритетом!» Естественно, и Руслан, и остальные космонавты в эту книгу буквально вцепились – несмотря на то, что она была написана знакомым мне шрифтом талесианок на стандартном языке Межзвездного содружества.

Иллюминаторов в корабле Абдуркана тоже нет, но все стены, когда внутренние люки закрыты, можно превратить в один сплошной экран – и тогда кажется, будто ты летишь в космосе без всякого корабля. Страшновато. Моих коллег-космонавтов это впечатляет, особенно Женю.

И вот наконец приходит нам с Белкиным время загружаться в корабль Абдуркана. Впрочем, вещей у нас минимум: смена одежды и кое-какая техника для меня плюс специальный кошачий туалет для Белкина.

На прощание Коля говорит:

– Знаешь, по сравнению с твоей станцией, если верно то, что нам рассказали, наша – ну, как полустанок. Или вообще платформа в глухой Тьмутаракани. Но ты все-таки... если нужен будет совет – запрашивай через ЦУП. Мало ли.

Киваю, пожимаю ему руку.

– Обязательно.

Напоследок Нараян предпринимает шуточную попытку спрятать кота – ну я надеюсь, что шуточную. Однако мяуканье Белкина быстро его выдает.

А потом за нами с Абдурканом закрывается люк, и мы остаемся вдвоем в его кораблике. Абдуркан тут же включает здесь гравитацию (он выключал ее, чтобы проще было ходить туда-сюда на станцию «Мир»), и меня тут же посещает приступ клаустрофобии.

По меркам земных космических кораблей посудина Абдуркана довольно велика: как кухня малобюджетной квартиры, знаете, из тех, где хватает места только-только на маленький кухонный гарнитур, холодильник и в лучшем случае угловой диванчик, если хозяева продемонстрировали чудеса планировки.

Однако едва у этого сплошного бледно-голубого пространства появляется верх и низ, я понимаю, что мы с котом остались наедине с самым настоящим инопланетянином, да еще шутовски разрисованным. А вдруг у него ядовитая отрыжка – или другое извержение газов из тела? Или наоборот, вдруг это я его нечаянно прикончу? А потом погибну без пилота в этом железном огурце...

Усилим воли мне удастся выгнать эти мысли. Наверное, раньше бы не удалось, но я говорю себе: «Это твоя работа, мужик, ты на нее подписался», – и такой нехитрой мантры достаточно.

К тому же Белкин возбужден и нервничает, приходится его успокаивать. А когда успокаиваешь кого-то, волей-неволей успокаиваешься сам.

Абдуркан тем временем плюхается на пол перед голой стеной, скрестив ноги по-турецки. Он касается стены в нескольких местах, и перед ним выдвигается пульт, над ним загорается экран. Это я уже видел, и меня это вовсе не удивляет.

- Ну, - говорит он, - начинаем отстыковочные маневры.

- Мне пристегнуться? - спрашиваю я.

- Зачем? - удивляется он.

И в самом деле, думаю, что это я.

На экране видно только «щупальце» Абдурканова переходника, разбухшее вокруг стыковочного узла. Мне вспоминается иллюстрация из «Маленького Принца» про удава, проглотившего слона. На моих глазах этот полый хобот снимается со шлюза - я почти слышу то ли чпокающий, то ли чавкающий звук.

- Отличное устройство, да? - спрашивает Абдуркан. - Обзавелся на одной планетке. Они оборудовали мой корабль этим универсальным переходником в благодарность за... ой, стоп, я обещал не рассказывать!

Меня тянет рассмеяться, но я сдерживаю смех. Абдуркан это замечает.

- Веселитесь, если хочется, - щедро предлагает он. - Я стараюсь изучать юмор всех известных мне рас и быть смешным по меркам каждой из них! Это очень облегчает контакт.

«А еще, - думаю я, - когда тебя не воспринимают всерьез, сведения собирать проще».

Вспоминаю саркастичный, черноватый юмор Абдуркановских цитат. Их трудновато примирить с этим красочным жизнерадостным существом. А вот если он намеренно носит такую маску...

Вновь обращаю внимание на экран. Станции «Мир-2» уже на нем не видно, Земли, к моему огромному удивлению и даже панике, тоже. Только чернота и далекие неизменные звезды.

- Где Земля?! - машинально спрашиваю я. - Где Солнце?

- Солнце на этом экране не видно, включите другой, - говорит Абдуркан. - А Земля - вот, - он тыкает пальцем в участок пространства, и я с трудом различаю там крохотный голубоватый диск.

- Мы что, летим со скоростью света? - поражаюсь я.

- Ничто не может двигаться со скоростью света, - качает головой Абдуркан. - Ну или так говорят умные люди. Я никогда не понимал, почему. А вы? Короче, мы летим просто очень быстро. Но чтобы покинуть вашу солнечную систему, нам с такой скоростью понадобилось бы полтора года.

- А как же тогда... - удивляюсь я.

- Найдем аномалию, конечно! Можно воспользоваться и той, через которую я пролетел, но это придется недели две маневрировать. Я надеюсь, быстрее подвернется.

Вспоминаю конфликт преи и Превосходных.

- Разве аномалии, через которые можно прокалывать пространство, это не очень редкое явление?

Вон, Превосходные даже не побоялись развязать войну с преи, только потому, что у них не было технологий, способных создавать проколы пространства самостоятельно. При том что преи вроде как более развиты технически.

- Смотря какие, - улыбается Абдуркан. - Складки пространства образуются постоянно вокруг любого крупного источника гравитации. Но ими нужно уметь пользоваться. Не все умеют.

Между тем Абдуркан открывает еще одно отделение рядом с пультом, достает оттуда баночку и мягкую губку, промакивает губку содержимым баночки и начинает стирать с лица косметику.

– Если не возражаете, капитан Старостин, – говорит он, – будем в полете без церемоний! Мне очень повезло, что ваши культурные традиции украшать лицо косметикой совпадают с нашими, очень приятно было впервые за много периодов навести марафет. Но все хорошо в меру, в полете это будет только обузой, не так ли? Я заметил, что вы и ваши товарищи все без макияжа.

– Угу, – говорю я, – давайте по-простому. И можно на «ты».

– С удовольствием! – восклицает Абдуркан, заканчивая уничтожать красоту несказанную на своем лице. – По моему опыту, как только я перехожу на «ты» с аборигенами, меня значительно реже пытаются съесть!

Вдруг я понимаю, кого он мне напоминает: если бы Индиану Джонса скрестили со Златопустом Локонсом – и не могу удержаться от смеха. Абдуркан, похоже, решает, что смеюсь над его шуткой, и довольно улыбается.

Контакт? Есть контакт!

3

Первым делом Абдуркан вручает мне универсальный переводчик. Видок он имеет страшноватый: это небольшое изогнутое щупальце вроде осьминожьего, на которое крепится маленькое глазное яблоко. Его полагается лепить к коже головы за ухом. Сначала я отношусь к девайсу с недоверием – таскать эту гадость на себе мне совершенно не хочется. Тем более, Абдуркан ничего такого не носит.

– Русский сложный язык, – говорю я. – Если ты смог его так быстро изучить, я уж точно смогу быстро выучить торговый язык три-четырнадцать!

– Так я его быстро выучил именно благодаря этой штуке! – восклицает Абдуркан. – Это универсальный переводчик, который работает на технологиях тораи. То есть он телепатически вкладывает тебе в мозг перевод, а еще активировать речевой центр. Простой язык можно выучить за пару недель пользования этой штукой... ну как простой – который похож на те языки, что ты

уже знаешь. И чем больше ты пользуешься ею, тем быстрее учишь новые. Я вот знаю уже около двадцати языков, поэтому ваш русский буквально за пару дней усвоил... ну я залпом тут ваши сериальчики посмотрел, которые искин накачал. Кстати, он легче, чем язык три-четыренадцать, на мой вкус.

- Ну... может быть, - бормочу я, неуверенно вертя штуковину в руках. К счастью, на ощупь она не склизкая и вообще не живая, что-то вроде мягкого силикона. Вопрос о том, по каким именно «сериальчикам» учился Абдуркан и что он теперь думает о землянах, я оставляю в стороне. - Но только... а глаз-то зачем?

- А читать ты как собираешься? - резонно спрашивает Абдуркан.

На этом вопрос решен.

Великий путешественник оказывается прав: не проходит и дня, как я перестаю замечать стремную фиговину. Более того, с моего разрешения Абдуркан прикрепляет одну за ухо Белкину - мол, это активирует и его речевой центр тоже. Разумным он не станет и говорить не научится, но начнет лучше понимать команды.

Я решаю не объяснять ему, что кошки - а особенно Белкин - и так понимают большинство обращенных к ним команд, просто не считают нужным реагировать.

Белкин сначала долго пытается сорвать эту штуку с головы, но держится она крепко. Потом привыкает. После этого я долго приглядываюсь к нему, пытаюсь сообразить, стал ли мой кот умнее, но ничего особенного не замечаю. Белкин и раньше был исключительно умен - много ли котов можно научить вовремя отключать виртуальный шлем? Так что разницу заметить непросто.

Обсуждая особенности работы переводчика, узнаю, что этот конкретный Абдуркан обновил у нейросети станции «Узел», так что все термины и имена в переводе должны совпадать.

- Что значит, имена должны совпадать? - удивляюсь я.

– Ну я не знаю, уверен, что часть имен была адаптирована, – машет рукой Абдуркан. – Вот, например, мое имя! Когда я давал добро на цитирование моих трудов в этом вашем проекте, я заранее оговорил, что мой псевдоним для вашей культуры должен звучать как-то забавно. Насколько я понимаю, так он и звучит? – и он пытливо смотрит на меня.

– Ну типа того... – неуверенно бормочу я.

Вроде бы «Абдуркан Рахман» действительно забавное имя, хотя я не могу так сразу сказать почему. (Позднее мне приходит в голову ассоциация с «Абдурахман», но я так и не могу вспомнить, что же это за Абдурахман такой).

– Отлично! – безмятежно отвечает Абдуркан. – Именно этого я и добивался!

– А как тебя зовут по-настоящему?

– Я из старого аристократического рода, у нас не принято сообщать имена посторонним, – он машет рукой. – Фамилия моя звучит как Фейцулкенцапиттари.

М-да, думаю я, слава богу, что он решил придумывать прозвища.

* * *

До станции «Узел» мы летим около двух недель, причем большую часть этого времени занимает маневрирование внутри Солнечной системы – Абдуркан ищет подходящую аномалию.

Должен сказать, что на самом деле путешествие внутри Солнечной системы ничуть не отличается от путешествия в «открытом космосе», чтобы бы это ни значило. Солнце кажется лишь чуть более яркой точкой среди других звезд, крупных планет мы практически не видим – раз только пролетаем вблизи Урана, но он проносится по экранам буквально за пару секунд.

Да и сама аномалия не видна: Абдуркан обнаруживает ее по приборам.

Я ожидаю чего-то в духе фильма «Интерстеллар»: там у них аномалия выглядела как трехмерный шар, в котором виднелись чужие звезды. Но ничего подобного. Может быть, у нас тут просто звезд маловато, потому что когда мы влетаем в аномалию на нашем конце и вылетаем на другом, на первый взгляд не меняется вообще ничего.

Однако Абдуркан доволен.

– Удачно попали, – говорит он. – Еще день-два, и будем на месте.

День-два! К этому моменту я готов от скуки прогрызть стенки и побежать к станции пешком – если бы знал дорогу.

Впрочем, другая часть меня готова валяться у Абдуркана в ногах с просьбами как-нибудь так затянуть путешествие, чтобы мы прибыли через годик-другой, не раньше.

Дело в том, что за время пути я успел углубиться в пересланные мне материалы, проникнуться ситуацией на станции – реальной ситуацией на реальной станции, которая, стараниями искина, мало отличается от той, что сложилась у меня под конец игры – и экзистенциальный ужас, что меня вот прямо сейчас заставят это разгребать, возвращается с новой силой.

Не особенно радует даже перспектива встречи с Бриа – как я понял, она действительно существует, действительно занимает должность моего заместителя и действительно взаимодействовала со своим аватаром в игре, так что наше... назовем это взаимопониманием... действительно имело место быть.

Успокоиться мне до некоторой степени помогают сплетни Абдуркана.

Мы с ним не то чтобы становимся добрыми приятелями за время пути; наоборот, даже под конец у меня остается такое впечатление, какое бывает с попутчиками – мол, сейчас вы чуть ли не братаетесь, но стоит расстаться, и вы друг о друге даже не вспомните. Однако ладим мы отлично: Абдуркан, как я и предполагал, не дурак рассказать о своих приключениях, а я всегда любил слушать. Сейчас же я слушаю особенно внимательно, жадно выпрашивая обо всех подробностях, а кое-что даже конспектирую – по вполне понятным причинам.

Так вот, разумеется, Абдуркан бывал и на станции «Узел», отправился туда первым делом, как она была построена.

– Скажу я, намудрили там подрядчики, намудрили, – рассказывает он. – Должны были куда позже ее сдать, но у три-четыренадцать горели сроки по какому-то другому проекту, ребята со стороны преи хотели выслужиться перед начальством, у саргов там тоже какие-то свои заморочки случились... в общем, так вышло, что всем нужно было побыстрее спихнуть этот контракт с баланса. Вот и построили в три года, а не в шесть.

Я уже знаю, что под «годом» подразумевается некая стандартная галактическая единица измерения крупных отрезков времени; по чистой случайности она действительно примерно равна земному году.

Этот рассказ, конечно же, не может не вызвать у меня некоторую опаску.

– Небось, там все недоделано было внутри? – спрашиваю я. – Штукатурка отпадает, краны в туалетах не работают...

– Штукатурка? – Абдуркан смотрит на меня, и кожа на его высоком лбу очень по-человечески собирается в глубокие горизонтальные складки. – Что ты имеешь в виду под штукатуркой... А! Ну да, облицовочные панели держались на соплях, Нор-Е потом ругался, что его команде многое пришлось доклеивать. А они ведь не строители, просто техническая обслуга...

Благодаря документам я теперь знаю, что, в отличие от игры, Нор-Е – вовсе не лидер независимой бригады монтажников, а главный инженер станции. Более того, он занял этот пост после того, как был ее главным конструктором. А еще он имеет немалый вес в Межзвездном союзе как политик – или такое у меня сложилось впечатление. В общем, важный персонаж, с которым следует считаться. Почему его аватар сделали сравнительно малозначительной персоной, бог весть.

Томирл-Томирл, кстати, тоже существует, но он руководитель службы «информационного обеспечения», то бишь главный компьютерщик.

Однако Нор-Е и Томирл – это так, мелочи жизни. Главный шок меня подкараулил, когда я увидел, что Вергаас, мой мафиозный «капитан» (или, скорее, настоящий региональный босс мафии на станции «Узел», при котором я был как бы номинальным командиром) – тоже настоящая личность. Этот сугирру, соплеменник Абдуркана Рахмана, занимает пост моего начальника службы безопасности! (Да, на реальной станции служба безопасности не отдана на откуп роботам.) Вообще говоря, трансформация из преступника в служителя закона – явление не такое уж редкое, если верить фильмам и книгам... но почему-то все равно сильно меня поражает.

– Ясно, – говорю я, – то есть мне под командование поступит разваливающаяся новостройка с картонными стенами.

– Не все твои идиомы мне знакомы, – безмятежно отвечает Абдуркан, – но, если я правильно толкую выражение твоего лица, ты близок к пониманию ситуации!

Поскольку лететь долго, я додумываюсь и еще до одного важного вопроса – а именно, спрашиваю Абдуркана, что он знает о текущем конфликте между тораи и ацетиками. Ведь в игре я его так и не разрешил, следовательно, искин его решение в реал перенести не мог. А значит, заняться этой проблемой мне предстоит в самом ближайшем будущем.

И оказывается, что Абдуркан знает много чего! Кое-какие секреты полишинеля и кое-какие настоящие секреты. Я понимаю, что мне очень повезло с попутчиком. Среди прочего спрашиваю Абдуркана, почему он вообще согласился меня доставить.

– Если бы я отказывался от возможности посетить самые труднодоступные уголки Галактики и брать самых удивительных пассажиров, я бы даже одну книгу не написал, – смеется он.

– А сколько ты написал? – удивляюсь я.

– Пока десять! Но планирую как минимум двадцать семь, потому что самый великий путешественник моего народа написал двадцать шесть.

– Достойная цель, – отвечаю я.

– А то! – смеется сугирру.

В общем, время мы проводим не так плохо. Белкину не так просто приноровиться к закрытому неизменному пространству, но Абдуркан включает для него на экранах пейзажи самых разных планет, и коту нравится. Плюс мы с этнографом много гладим его и играем с ним – особых дел, кроме разговоров и чтения мануалов (для меня) у нас нет.

Два дня, которые мы должны провести в пути после выхода из аномалии, разрастаются до трех, но в итоге мы все-таки долетаем.

Газовый гигант, вокруг которого вращается станция, далеко не так красив, как в игре. В нем нет разноцветных колец и завитков газа, как нарисовали дизайнеры; он равномерно тускло-коричневый, и этим похож не на Юпитер и не на Сатурн, а на Уран, только цвета другого. Тем более, что и колец вокруг него нет – есть одно жиденькое полукольцо, которое нам даже увидеть не удастся, потому что мы подлетаем в той же плоскости, в которой оно расположено, а не сверху или снизу.

Зато от вида станции у меня захватывает дух.

В ней гораздо больше модулей, чем я успел построить; я начинаю считать и сбиваюсь, потому что мы маневрируем и облетаем станцию с другого бока. Однако это неважно; из сопроводительной документации я знаю, что их двадцать один.

Двадцать один – не такое большое число, когда думаешь о нем в отрыве от всего. Однако когда ты видишь готовую станцию, в которой двадцать одна часть, каждая размером с небольшой астероид, ты понимаешь, что цифра эта на самом деле впечатляет. Структура, которая получилась в результате, громадна. Она крутится на орбите, как гигантский разноцветный волчок, великолепная елочная игрушка. И словно искры от бенгальского огня, слетаются к ее докам космические корабли.

Да, именно к докам, потому что у этого «Узла» не один причал, а пять штук, причем только два из них предназначены для приема пассажирских и грузовых кораблей дальнего следования. Основные три – технические. Их используют мелкие ремонтные и каботажные суда, которые летают от самой станции к

ближайшему поселению на астероидах; там добывают воду и некоторые другие минералы, без которых на станции не обойтись.

Еще вокруг станции постоянно ловкими паучками шныряют мелкие кораблики технического обслуживания. Они нужны потому, что в реальности не существует крошечных фабрикаторов, способных в мгновение ока собрать целый модуль, если подогнать им нужные материалы. Здесь строительство занимает больше времени и логистика его сложнее, да и поддержание построенного в порядке не происходит «автоматически».

Уже одного этого хватило бы, чтобы обеспечить мне превентивную головную боль, а ведь есть же еще и...

– А где блокадные корабли ацетиков и тораи? – спрашиваю я.

– Отсюда мы их не увидим, они далеко, – отвечает Абдуркан. – Хотя разнести им нас оттуда – легче легкого... Но не бойся, у меня постоянный пропуск! Я тебе рассказывал уже, как однажды помог одному старому и важному тораи отыскать пропавшую у него жемчужину? Ребята очень ценят свои цацки!

– Нет, не рассказывал, – говорю я.

У Абдуркана Рахмана припасено столько историй, что хватило бы не на двадцать шесть, а на шестьдесят две книги. Жаль, по его словам, он не может записать большую часть из них, а то это будет чревато неприятностями как для него самого, так и для героев его рассказов. Ну чисто доктор Ватсон при Шерлоке Холмсе.

Он начинает рассказывать мне этот случай. Говорит красноречиво, интересно, но частенько сбиваясь на отступления об обычаях тораи – тоже вещь довольно полезная, потому что, естественно, в полученных мною сопроводительных материалах отображено далеко не все. В частности, постоянно толсто намекает на свой роман с какой-то представительницей этой расы, чем, пожалуй, шокировал бы меня, если бы я поверил его намекам (ну ладно, сам Абдуркан может быть просто оригиналом, но что гигантская кальмариха в нем нашла?).

Ярываюсь между тем, чтобы слушать его, и между тем, чтобы наблюдать за нашей стыковкой. Вторая моя космическая швартовка! Причем первую, на

«Федерации», я не видел. А тут обзор – гляди не хочу, Абдуркан опять превратил все стены в экраны.

Я к этому успел уже привыкнуть во время путешествия, иначе бы мне было не по себе от ощущения, словно тебя выбросили в космос без скафандра.

Мы уже совсем на подлете – станция занимает половину передней полусферы – когда с Абдурканом связываются.

– Борт 867 «Абгилон», вас вызывает станция «Узел», – говорит незнакомый голос.

Абдуркан вызывает изображение на экран.

И на нем не кто-нибудь, а Нирс Раал, мой заместитель по хозяйственной части.

Нет, я знаю, что его персонаж был сделан с реального прототипа – одного из энтузиастов, который работал на станции с самого ее запуска. Даже знаю, что Превосходные действительно выглядят и ведут себя примерно так, как было написано в сценарии, наши сценаристы почти и не наврали... ну или так я решил, прочтя их описание. И все равно увидеть его здесь – шок.

При этом он выглядит совсем не так, как в игре. То есть узнать можно, недаром же я сразу не усомнился, что это он: синяя кожа, круто закрученные рога, синие волосы с красным отливом... Но вот в остальном – ничего общего! Он совершенно не похож на того себя, как его изобразили!

Черты лица по-прежнему очень правильные, а следовательно, и красивые (насколько я понимаю в мужской красоте) – неудивительно для расы, которая практикует евгенику на планетарном уровне. Но если прежний Нирс напоминал такого голливудовского красавца, то нынешний похож, как ни странно, на типичного «хорошего парня» из советского кинематографа годов этак пятидесятых-шестидесятых.

– Господин Рахман, у вас на борту наш капитан? – спрашивает Нирс. – Все ли в порядке?

Голос тоже не тот. Он показался мне незнакомым, когда первый раз прозвучал по системе ближней связи, и в этот раз тоже кажется таковым. Это по-прежнему звучный и красивый голос, но ниже. Прежний – игровой – Нирс разговаривал тенором. Этот – баритоном.

– Да, все в порядке, – говорит Абдуркан. – Да вот же он, позади меня. Не узнали?

Нирс чуть меняется в лице, но тут же берет себя в руки. Я соображаю, что наше удивление взаимное. Понятия не имею, как изобразили мой аватар для обитателей станции, может быть, и вовсе не похоже на то, как я выгляжу на самом деле. Или похоже очень условно.

Да и в любом случае картинка непременно отличается от живого человека. Недаром полицейских, охранников и шпионов специально учат опознавать людей по фотографиям.

– Капитан Старостин! – говорит он. – Этот недостойный рад приветствовать вас на станции!

Как ни странно, моя первая мысль: ну вот, опять он переигрывает. И следующая – да нет, не переигрывает, он и в самом деле привык так говорить. Соблюдает собственный этикет.

– Взаимно, – отвечаю я. – В смысле рад наконец-то попасть сюда.

– Боюсь, – продолжает Нирс Раал, – я не в состоянии обеспечить вам торжественную встречу. Вам придется приступить к исполнению своих обязанностей немедленно!

– В чем дело? – Даже удивительно, как легко мне включиться в рабочий модус операнди.

– Тораи только что открыли огонь по одному из малых истребителей ацетиков, – мрачно говорит мой заместитель. – С этим нужно срочно что-то делать.

Встречают меня без всякой помпы. «Огурец» Абдуркана залетает в шлюз – не в центральный коммерческий, а в один из технических – и мы выходим из надоевших за две недели голубых внутренностей корабля в коридор станции.

И вот тут меня ждут первые сюрпризы.

Как были отрисованы коридоры «Узла» в игре? Ну они там имелись – и это, в общем-то, все, что о них можно сказать. Они напоминали разом и интерьеры кораблей из «Звездного пути», и стандартные земные интерьеры каких-нибудь высокотехнологичных корпораций – гладкие, белые и хромированные, с прямоугольными лампами дневного света в стыках потолка. В общем, эстетика Эппл как она есть.

На деле оказывается не то.

В тоннеле, куда мы ходим, стены мозаичные, пестрые, и каждый кусочек мозаики будто светится изнутри. А может, и не будто, может быть, действительно так много светодиодов. В результате по лицу и длинной фигуре моего попутчика, и без того пестрой, бегают разноцветные блики. Такие же блики расцвечивают светло-серую форму встречающих – Нирса Раала, Вергааса (а кем еще может быть соплеменник Абдуркана) и... Бриа?

Увы, по всей видимости, это действительно она. С дрожью вспоминаю, что первый раз не опознал ее расу, потому что в справочной информации к статье о талесианках было приложено изображение чего-то, напоминающего энта. И вот это самое как раз сейчас и стоит передо мной. Ростом оно невелико, примерно как обычная человеческая женщина – может быть, на голову ниже меня. Зато все изломанное, кожа выглядит высохшей и деревянистой, глаза на голом черепе смотрят из глубоких впадин. При этом существо куда более человекообразное, чем, скажем, Грут или энты Питера Джексона, и куда более похоже на женщину, поэтому эффект такой, что она до смерти истощена и больна какой-то жуткой кожной болезнью. В общем, страшноватый эффект.

Ну и одета не в ставший мне привычным желто-оранжевый «национальный костюм», а в стандартную форму.

– Капитан, – говорит мне Нирс, – рад вас видеть. Вы узнали остальных? Я видел, как нас изобразили в игре, не очень похоже. Это Бриа из клана Золотого пятилепесткового созвездия.

– Рада вас видеть, капитан, – то ли древообразное, то ли до крайности болезненное существо протягивает мне руку. – Я правильно понимаю, по земным обычаям сейчас уместно рукопожатие?

Тон у нее приветливый и дружелюбный, но не более. И слава богу; не знаю, как бы я пережил, стань она со мной сейчас флиртовать.

То есть... не знаю, я всегда был сторонником мнения, что внешность в женщине не так уж важна. Я ведь и сам не красавец, с чего бы мне рассчитывать на фотомоделю. Но при этом мне бы хотелось, чтобы внешность у женщины все же была. Как таковая. Одно дело – несколько лишних килограммов или маленькая грудь. Другое дело – вот это вот.

– Абсолютно правильно, – напряженно улыбаюсь я. А на самом деле изо всех сил пытаюсь подавить бурю противоречивых эмоций.

– Миа приносит извинения, что не могла сразу с вами встретиться, – вдруг говорит Бриа. – Но сами понимаете, ей, как моему помощнику по дипломатической работе, приходится сейчас особенно тяжело.

– Миа? – Я слегка ошарашен. – А вы... вы разве не мой зам по дипломатическим отношениям?

– Нет, – она качает головой. – Я – ваш зам по юридическим вопросам и всему, что с ними связано. Она – мой помощник по дипломатической части... впрочем, иерархически мы с ней практически равны, просто было удобнее провести ее по моему ведомству. Если хотите, как-нибудь потом вам расскажу, почему. В вашем игровом тренажере наши с ней роли объединили. Через аватар «Бриа» мы общались с вами обе.

И тут я понимаю, что нужно было тщательнее ознакомиться с судовой ролью, не ограничиваясь только моими замами и начальниками служб. Немедленно даю себе слово обязательно это сделать в самое ближайшее время, как только будет свободная минутка.

А еще вспоминаю, откуда мне знакомо имя «Миа». Миа из Алого листа или что-то подобное – так звали талесианку, менеджера того самого салона, которая проросла! И нам пришлось целую секцию станции из-за нее вырезать, и параллельную систему контроля с помощью Нор-Е потом делать... Она еще в итоге оказалась региональным координатором мафии, на это была завязана сюжетная ветка Цуйшели и Вергааса.

Только не говорите мне, что по-настоящему эта Миа – на самом деле та, кого я знаю под именем «Бриа»... ну частично.

Вообще ничего не говорите. Это все нужно очень сильно переварить.

– Ясно... – бормочу я. – Понятно.

– А с вами мы знакомы в другом качестве, – широко улыбается мне Вергаас.

– Погодите, так вы тоже были в игре? – спрашиваю я.

Я был уверен, что мой мафиозный контакт отыгрывал непись!

– В смысле, вы с моим аватаром знакомы, я для него одолжил свою базу реакций и топонимику лица, – поясняет мой шеф СБ. – Глава организованной преступности – это сложный типаж, его искин просто так отыграть не мог. Поэтому я на него сильнее похож, чем остальные на свои игровые версии. Придется вам привыкать теперь, что я не преступник, а полицейский, – и он оскалился сильнее, от чего его рожа стала еще более уголовной.

– Все это хорошо, – снова встречается Бриа, – но время, время. Господин Рахман, большое вам спасибо за помощь. Плата будет передана, как условлено.

– Одно удовольствие – побывать в новом месте и подкинуть интересного пассажира, – чуть склоняет голову в ответ Абдуркан.

– У вас есть вещи? – обращается ко мне Вергаас. – Давайте мне, мои ребята доставят в вашу каюту. А сами шагайте с Нирсом и Бриа, у них для вас ой как много работы.

Думаю, что, наверное, вся раса сугирру отличается избыточной фамильярностью. Но если у Абдуркана это фамильярность любопытного щенка (ну ладно, скажем так, молодой собаки), то у Вергааса манеры автослесаря дяди Коли.

И тут у меня из-за пазухи высовывает морду Белкин. Он до сих пор стеснялся – незнакомый разноцветный свет его сбивал. А поскольку одет я в бесформенный свитер, его было особенно не видно.

Гоголь про такое писал «немая сцена».

– Ого, – говорит Вергаас, – нас предупреждали, конечно...

– Это временная мера, – перебиваю его я. – Постепенно я начну выгуливать его на шлейке, а остальное время он будет проводить у меня в каюте. Никакого риска для безопасности.

Шлейка у меня уже имеется: изготовил на борту у Абдуркана из подручных средств. А сейчас Белкин пристегнут ко мне специальной сбруей, что-то вроде детской переноски; эту уже мне хватило ума захватить с Земли. Нужно было, конечно, раньше об этом подумать, еще на Земле. Но я как-то был больше обеспокоен вопросами о том, как перевозить Белкина и чем его кормить... В общем, переноску взял, корм взял, аптечку с ветеринарными препаратами – взял (вещи Белкина занимают большую часть моего багажа), а о шлейке не подумал.

– Да ладно, – отвечает сугирру, – че там риск, обеспечим! Вы гляньте, какой зверь знатный! На абсурраха похож!

– Да, похож, – говорит Нирс. – Но нам правда некогда. Капитан, насколько я помню по игре, зверь не будет сопротивляться, если вы его понесете? Тогда берите и пойдете быстрее!

Сколько раз замечал по жизни: чем больше кто-то кого-то торопит, что нужно быстрее и времени совсем нет, тем медленнее делаются дела. Но тут мы наконец-то все же сдвинулись с места.

* * *

Никакого капитанского самоката в реальности нет, да на нем бы вся наша дружная компания и не поместилась бы – даже с учетом того, что Абдуркан уже вернулся на свой корабль, а Вергаас усвистел куда-то с моими вещами. Зато за поворотом коридора, там, где он расширяется, нас ждет небольшой электромобиль.

Вот он сделан максимально утилитарно – просто платформа с шестью пластмассовыми креслами на нем. Этаким разожравшийся гольф-карт. И едет тоже примерно со скоростью гольф-карта – довольно неспешно.

Не успеваю я полюбоваться мозаичными стенами, как мы выезжаем в другую часть станции. Про первый коридор успеваю отметить только то, что мозаика украшает стены не просто так, а складывается в узор – не орнамент, а именно узор, рассказывающий какой-то сюжет – и что действующими лицами в узоре выступают стилизованные тараканы. Этого достаточно, чтобы догадаться, что к декору здесь приложили конечности сарги.

Зато большой коридор, куда мы выворачиваем почти сразу, поражает чуть ли не дворцовым великолепием. Под потолком тут – единственная привычная мне деталь – тянутся густой порослью лианы омикра, однако периодически этот густой полог разрывают отверстия, через которые на пол коридора падают столбы яркого, почти дневного света. Когда мы проезжаем через один такой столп, я поднимаю глаза вверх и вижу огромную многоярусную люстру, которая сделала бы честь иному банкетному залу.

Стены здесь облицованы не мозаикой, а панелями «под малахит» – нет, серьезно, эти зеленые разводы очень характерны. Хотя чему я удивляюсь? Малахит ведь как-то связан с залежами меди (насколько я помню по сказам Бажова); наверняка на других планетах она тоже есть.

В общем, в итоге впечатление такое, будто мы идем по лесу, в туннеле из ветвей. Здесь даже пахнет как в лесу: зеленью и влагой. Вот только ароматы лоз омикра незнакомые, слишком сладкие, что ли, для земного леса...

Прохожих в коридоре мало, но никто из них не похож на то, что было отрисовано в игре. Или все-таки похож? Я узнаю еще одну талесианку энтообразного вида – вот она таки одета в национальное «сари», – пару Превосходных, одинокого преи, шагающего с крайне независимым видом... он меньше напоминает

диснеевского зайца, чем мне привычно, но все же вполне узнаваем. Остальных мне не удастся соотнести ни с чем знакомым. Должно быть, я просто устал и выдохся – голова идет кругом от впечатлений. А мне ведь еще ею работать!

Вдруг меня до дрожи пронзает ощущение нереальности всего.

Потому что не может, просто не может это происходить со мной! Не может быть, чтобы я, Андрей Старостин, повар, ни дня не проработавший по специальности, админ-недоучка, посредственный тестировщик в самом деле оказался главным должностным лицом на огромной космической станции в сотнях световых лет от Земли и Солнца!

И все вокруг... оно, конечно, чуждое, непривычное, но одновременно слишком логичное, слишком укладывающееся в представления людей о том, как может выглядеть... да что угодно! Разве вещи и объекты, созданные инопланетянами, могут быть так просты и понятны? Разве первый контакт с инопланетянами может происходить так запросто? Привет, о, ты Андрей, давай садись, подкину до места. Привет, капитан Старостин, мы тебя заждались, давай работай?

Не бывает такого! И Белкин у меня на груди – единственный мостик в реальность, единственный показатель, что я не сплю.

Кот недовольно задергался в своей переноске: я гладил его, тем самым отвлекая от его попыток принюхаться и прислушиваться к происходящему (коты больше полагаются на нюх и слух, чем на зрение).

– Ну извини, малыш, – прошептал я тихо, утыкаясь носом в шею Белкина.

– Пока мы едем, – тем временем заговорил Нирс Раал, – вот ваш личный коммуникатор, и я на него сейчас переслал краткую сводку о ситуации.

«Личный коммуникатор» оказывается не браслетом, как в игре, а самым обычным смартфоном. Разве что формат непривычный: почти квадратный и сделан точно по размеру кармана на груди формы (я еще не в форме, но и у Нирса, и у Бриа есть такие).

– Судя по тому, что я читал о Земле, у вас уже есть эта технология, – говорит Нирс. – В нем есть биометрические датчики, он уже настроен на ваши показатели... вот, видите, экран загорелся? Значками на главном экране показаны различные сервисы, которые можно использовать для доступа к тем или иным системам станции, например, к системе связи.

– Спасибо, – говорю, – у нас в самом деле есть эта технология. Разберусь. А... в игре были голографические экраны...

Бриа и Нирс переглядываются.

– В игре в целом технологическое обеспечение станции выглядело по-другому, – замечает Нирс.

– Да, эти голографические экраны – вообще очень странная вещь, – вторит ему Бриа. – Кто вообще решил, что это удобный способ связи? Ведь ими же можно пользоваться только в темной комнате! А они у вас в игре работали даже в ярко освещенных помещениях, без намека на задымление! И главное, зачем они нужны? Мы даже видеосвязью почти не пользуемся.

Я хочу спросить ее почему, но прикусываю язык. Вспоминаю, как отец как-то рассказывал мне: когда в его молодости только появились всяческие видеочаты, люди поначалу пользовались ими просто ради новизны. Потом оказалось, что аудиосвязь или даже просто сообщения в большинстве случаев удобнее. На долю видеосвязи остались дистанционное обучение, телемедицина и тому подобное.

В игре, думаю я, наоборот, логично, что любая связь предполагает картинку или видеоролик! Ведь глаза и мозг игрока нужно чем-то занять; это не реальная жизнь, где ты можешь яйца чесать во время разноса от начальства. Игра должна быть интересной все время – в идеале. Поэтому я как-то не подумал, что реальная станция в этом плане будет... ну, похожей на настоящий мир.

– Понял, – говорю я. – Никаких голографических экранов.

– Станция вообще создавалась... эклектично, – продолжает Нирс Раал. – Расы-спонсоры оплачивали отдельные ее части, но некоторые заказы отдавались малым расам. Поэтому здесь есть части, которые созданы в самых разных

технологических традициях.

– Называя вещи своими именами, некоторые элементы «Узла» устарели, как говно зверя учтаперя, – называет вещи своими именами Бриа. – Многие технологии подгонялись под нижний общий деноминатор. Нор-Е постоянно ругается, что ему пришлось стать не столько инженером, сколько антикваром, чтобы заставить все это работать вместе.

Я только головой качаю. М-да, вот чего еще в игре показано не было. Видимо, потому, что слишком сложно проектировать и всех деталей не учесть? Или, поскольку проект был под государственным надзором, «цензура» запоролла? Кто ж не знает, что именно так у нас делаются многие государственные и межгосударственные проекты.

Ну, в общем, тогда и обычный смартфон с обычным жидкокристаллическим экраном объясним...

– Этот коммуникатор, – продолжает между тем Бриа, помахивая им в воздухе, – еще очень продвинутая технология! Повезло, что удалось ее адаптировать!

Гляжу на нее с некоторым сомнением.

Нирс Раал, очевидно, догадывается о моих чувствах.

– Вам нужно поговорить об этом с Миа, она специалист по межрасовому развитию, – говорит он. – Но, насколько я понял из ее восторженных восклицаний...

– Писков, – вставляет Бриа, но Нирс продолжает, не обращая на нее внимания:

– ...У вас, землян, очень продвинутые технологии связи даже в сравнении с галактическими аналогами. Само по себе это неудивительно для социальной расы, у которой нет телепатии – мы вот тоже развивали связь в первую очередь. Но вы даже на фоне остальных рас галактики прямо на удивление прогрессивны в этом плане. Возможно, если когда-нибудь в галактике сложится интегрированный межпланетный рынок, это будет вашей специализацией!

Качаю головой, вспоминая расхожий лозунг моего детства, что, мол, променяли космические полеты на айфоны. Кто бы мог подумать, что именно айфоны-то и восхитят инопланетян больше всего!

Между тем, описанная эклектика станции продолжает открываться за каждым поворотом.

Из малахитового коридора мы попадаем в грузовой лифт, снова мозаичный с узорами саргов на стенах, оттуда – в новый коридор, уже без лоз омикра, зато с лепниной под потолком. Я глазею по сторонам, пока Нирс снова вежливо не напоминает мне, что материалы он уже переслал на коммуникатор и нужно воспользоваться временем в пути, чтобы хотя бы начать с ними знакомиться.

Очень быстро нахожу в коммуникаторе приложение – здесь они называются «сервисами»; в принципе, это название будет более правильным и для большинства земных приложений. К счастью, для открытия и просмотра файлов достаточно одной руки – второй мне приходится дополнительно придерживать Белкина. Кот не вырывается, но мелко возбужденно дрожит, и я уже сожалею, что не отправил его в каюту вместе с багажом. Побоялся, честно говоря. Мало ли, как инопланетяне его бы устроили!

Но теперь непонятно, когда выдастся минутка им заняться. А он ведь довольно давно ел в последний раз: я его специально не стал кормить перед прилетом.

Начинаю разбираться в «кратком отчете» Нирса. Сначала, когда я гляжу на инопланетные символы, мне кажется, что они мне непонятны, но через секунду смысл написанного становится ясен. При этом буквы не меняют свои очертания и не складываются в слова другого языка, как в игре. Все происходит только у меня в голове. Это немного дезориентирует, но волевым усилием я велю себе не отвлекаться.

Отчет оказывается не то чтобы кратким – скорее не очень полным. Согласно ему, ацетики занимаются на станции «Узел» каким-то производством... Ну, допустим, делают сепульки, не знаю, как это еще обозначить. При этом природа сепулек администрации станции неизвестна: у ацетиков, как у спонсоров, есть право такие вещи не раскрывать, если они составляют коммерческую тайну – а именно это и заявила компания, которая арендует модуль.

Кстати, вот и первое отличие: в игре модуль ацетиков арендовала какая-то община... по крайней мере, мне так казалось. Не слышал я и не видел, чтобы они занимались производством. Тут это действительно коммерческое предприятие, и его руководителем назван (или названа) некий (или некая) Торл-Элерл. Никакой Лерл-Леккерл и в помине нет.

И вот тораи отчаянно протестуют против производства этих сепулек, заявляя, что их создание является пощечиной общественному вкусу... в смысле преступлением против их расы. И пригрозили задерживать любые корабли с сырьем для сепулек, которые будут прилетать на станцию. И, соответственно, корабли с готовой продукцией, которые будут с нее улетать.

Поэтому до сих пор и было затишье: очевидно, пока ацетики вырабатывали старые запасы, а сепулек для отгрузки на полную партию у них не набиралось. Теперь же груз сырья наконец прилетел, тораи попытались его задержать, ацетики начали защищать – и понеслось...

– И где сейчас этот груз? – спрашиваю я.

– Читайте, там есть, – вздыхает Нирс тоном человека, который давно привык, что начальство не читает отчетов.

Послушно прокручиваю страницу дальше.

Оказывается, сырьевая баржа легла на орбиту вокруг газового гиганта под охраной вооруженной группировки ацетиков. Охрана, впрочем, была скорее номинальной: пока грузовой корабль не приближался к станции, тораи его не трогали.

Тем не менее ущерб одному из малых истребителей группировки ацетиков был нанесен. К счастью, это была автоматизированная машина, так что обошлось без жертв. К несчастью, Экспансия Аце направила официальную ноту в Межзвездное содружество и такую же официальную ноту Альянсу тораи... ну и третью нам, потому что, очевидно, мне слишком легко живется. И все ноты, характерно, с лимитом времени на реагирование.

Не успеваю я погрузиться в эти тонкости, как мы добираемся до рубки.

Как и следовало ожидать, она сильно отличается от того, что изображалось в игре. Там рубка напоминала мостик космического корабля, как его любят изображать в игрушках и сериалах: капитанский помост и несколько рабочих станций вдоль стен, прямо под огромными окнами.

Здесь же окон нет вовсе, только экраны, и не высокотехнологические, встроенные в стену, как те, к которым я привык в кораблике у Абдуркана, а обычные... в смысле похожие на плазменные телевизоры на Земле. Только экраны опять же не прямоугольные, как клепают китайская промышленность, а частью квадратные, частью овальные. Что касается рабочих станций, то их много больше: не пять-шесть, а штук пятьдесят – рубка и сама куда крупнее игровой, размером с немаленький такой бальный зал или крупную лекционную аудиторию. Ряды станций расположены концентрическими кругами вокруг капитанского помоста, на котором, кстати, тоже не одна рабочая станция, а две. Правда, часть всех этих станций пустует.

Во-вторых, невероятное разнообразие этого всего. Квадратные и полукруглые экраны – это еще цветочки! Даже беглый взгляд дает понять, что многочисленные пульта управления тоже все разные. Некоторые усеяны кнопками, тумблерами и даже рычагами с разноцветными рукоятками а-ля двадцатый век, другие представляют собой сплошные стеклянные панели – сенсорные, наверное. Третьи вообще напоминают поддоны с каким-то киселем. Наблюдаю, как один из вахтенных специалистов опускает в этот кисель руки по локоть, и на экране перед ним приходят в движение манипуляторы, торчащие из какой-то хреновины на борту станции, прямо в открытом космосе.

А один товарищ вообще скармливает в слот на своем пульте карточки с прорезями! Если я правильно помню, это называется «перфокарты».

Нирс ловит мой шокированный взгляд:

– Полная эклектика, – повторяет он. – Разные интерфейсы предназначены для работы с разными системами станции.

Слов у меня нет.

Неудивительно, что наши игроделы не стали это повторять! Тут уже на стадии осознания мозги вскипают, а попробуй преврати такую сборную солянку в

рабочие игровые механики – мигом кукухой поедешь.

Тем временем Бриа говорит:

– Всем внимание!

Работа замирает. Все смотрят на входную дверь – то есть на нас.

Лица в рубке совершенно интернациональные, как я и помню. В смысле кого тут только нет. Кроме десяти-двенадцати основных рас, которых вполне можно узнать, несмотря на старания земных дизайнеров, есть и совершенно незнакомые образины. Старший вахты – та самая розовокожая сафектийка Ансули Раго.

– На станцию прибыл наш новый начальник, – говорит Бриа. – Многие уже наслушались самых потрясающих слухов, поэтому давайте развеем их раз и навсегда. Да, у нас теперь будет живой капитан вместо искина. Нет, это не потому, что он вызвал искин на дуэль в сафектийские шашки и выиграл. Его зовут Андрей Старостин, он с отдаленной планеты под названием Земля и обладает уникальными знаниями и навыками для этой работы. Нет, он не будет есть органы проштрафившихся сотрудников на завтрак, этих несчастных, как и раньше, буду есть я, на обед, целиком. Мы, старший командный состав, уже с капитаном знакомы и всячески его поддерживаем. Ожидаем того же и от вас. Всем все ясно?

– И он по доброй воле согласился прилететь в этот бардак? – спрашивает кто-то.

– Дурак, они, наверное, ему смертный приговор капитанством заменили! – громким шепотом возражает другой. – Или пожизненное.

Нирс громко откашливается, и голоса смолкают.

– Вижу, отлично сработаемся, – говорю я. – Бриа, вы абсолютно искренни в том, что старшее руководство станции меня поддерживает?

На лице талесианки появляется удивление – если я правильно расшифровываю выражение этих страшноватых черт.

– Разумеется, – говорит она. – Вы, должно быть, не знали, но нам предложили оценить всех игроков, с которыми мы работали через аватары. Большинство выбрало вас.

Мне требуется колоссальное усилие воли, чтобы не спросить, кто входит в меньшинство.

– Тогда прошу собрать всех, включая Нор-Е, Вергааса и Томирла, в моем конференц-зале... я имею в виду, конференц-зал, который примыкает к рубке. Он ведь тут тоже есть, да?

Я смотрел планы, но точное расположение помещений уже успело вылететь у меня из головы – попробуй упихай в мозг столько важной информации в такие короткие сроки.

– Есть, – отвечает Бриа. – Будет сделано.

– Да, и... где можно оставить кота?

– Я с удовольствием за ним послежу! – вызывается Ансули Раго. – Я много слышала об этих удивительных животных. Они же похожи повадками на абсуррахов, верно? Мелкие сумеречные хищники?

– Только не в ущерб работе, – сверлит ее взглядом Бриа.

Ха, оказывается, ее оригинал – тот еще строгий командующий. Впрочем, учитывая, что Ансули принимает у меня кота без особого страха и тут же начинает с ним сюсюкать, реальным людоедством Бриа все же не занимается.

* * *

Мой конференц-зал тоже отличается от того, каким он был в игре: стены здесь не серо-голубые, а бежевые, и окон (или экранов) с видом на космическую ночь нет. Все остальное то же самое.

К счастью, руководство станции собирается быстро, и я не успеваю в очередной раз занервничать и засомневаться, сработает ли план, который я разработал за две недели полета сюда. «Блин, – думаю я, – что я делаю, нужно было сперва обсудить его с Бриа... или с этой Миа, раз она тут занимается дипломатическими вопросами, а уж потом выносить на суд широкой общественности!» Но что сделано, то сделано.

Людей – в смысле разумных – собирается куда больше, чем я думал. Томирл-Томирл выглядит очень странно: он похож на серого скособоченного снеговика, который уже начал подтаивать, и одежды при этом не носит. Лицо абсолютно невыразительное. Приснится в кошмаре – потом испугаешься снова засыпать.

Нор-Е же практически ничем не отличается от себя из игры (кроме того, что не мультяшка), только пропорции его двуногого и двурукого тела меньше напоминают человеческие. А еще он очень высок, почти два с половиной метра.

Он хлопает меня по плечу, от чего я чуть не падаю на пол, и говорит:

– Добрались, капитан? Молодец! Я в вас верил.

– Ваши документы помогли, – говорю я.

– Ну, нужно было, чтобы ты всерьез взялся их изучать, – пожимает плечами Нор-Е. – Я эти файлы много кому подкинул, но систематически начал с ними работать только ты.

Кроме того, среди собравшихся присутствует женщина три-четыренадцать в минималистичном костюме, подозрительно напоминающая Цуйшели, только лет на двадцать старше (если брать человеческие нормы). Но с ней я перекинуться парой слов до начала переговоров не успеваю, потому что вижу Миа.

Она и впрямь похожа на огненноволосую талесианку из игры – ту, что превратилась в дерево. Только выглядит еще более человечески, чем я ожидал! Абсолютно ничего от энта. Почти танцевальная пластика движений, кожа привычного цвета (смуглая, как у мулатки или метиски, но не эбонитово-черная, как у игровой Бриа, и не золотистая, как у игровой Миа), обычные карие глаза. В общем, не знай я, что она инопланетянка, решил бы, что на станцию каким-то чудом занесло мою соотечественницу.

– Капитан! – она улыбается мне так, что сердце начинает колотиться отбойным молотком. – Как я рада вас видеть во плоти! Вам же Бриа уже объяснила? Мы обе работали над проектом, но почему-то создатели игры с вашей стороны не захотели сделать двух сотрудниц-талесианок. Зато они взяли мои данные на роль персонажа-прорастанки. – Она морщится. – Воображаю, какие у вас ассоциации с этим лицом!

– Просто прекрасные ассоциации! – говорю я, потом, к ужасу своему, сбиваюсь и начинаю бормотать. – Я имею в виду, отличное лицо... очень... очень земное.

– Спасибо, – чуть улыбается Миа. – Я старалась.

– А? – не понимаю я.

– Мы, талесианки, можем менять внешность в широких пределах, только это небыстро. Ну и подручные средства нужны кое-какие.

Но подробнее заняться этим вопросом мы не успеваем: наконец приходит Вергаас, и мы начинаем заседание.

Я оглядываю разумных – людей, буду называть их людьми – сидящих за овальным конференц-столом. Они выглядят привычно и непривычно одновременно. Вергаас и Миа – более антропоморфно, Бриа – менее, у Нирса другое лицо, Томирл похож на отрывку из ночного кошмара, Цуйшели (если это она) я вообще не ожидал тут увидеть. Странно, что нет доктора Сонг... а впрочем, наверняка она, как всегда, ужасно занята у себя в лазарете. Все же эта станция намного крупнее той, что я управлял в игре, а значит, и пациентов тут больше.

Так или иначе, все собравшиеся знают меня – или, по крайней мере, знают, кто я. Все смотрят на меня выжидательно, видно, надеясь, что я сейчас предложу готовое решение. И я не могу их подвести. Тем более что это решение, хорошее или плохое, у меня есть.

– Господа, – говорю я, – для начала мне нужно знать вот что. Вы и впрямь готовы меня поддержать, даже если это означает пойти на конфликт с Межзвездным содружеством?

Они переглядываются.

- Так сразу и на конфликт? - спрашивает Вергаас.

- Это только один из вариантов развития событий, - говорю я. - Скорее всего, прямой конфронтации удастся избежать. Но поручиться за это не могу. В конце концов, нам ведь придется выселить арендаторов из двух модулей.

Я думал, что они сидели тихо и внимательно меня слушали раньше? Я ошибся. Вот теперь наступает настоящая тишина.

5

Первое - официальные письма, пока еще вежливые. Содержание их сводится к следующему: мы, мол, сожалеем, что на станции сложилась такая неудобная обстановка для вас и вашего проекта, но ничего с этим поделать не можем. Вероятно, на другой площадке вам будет удобнее.

Второе - уведомление о том, что необходимо за определенное время освободить модули. Срок намеренно указан нереальный: три дня. Если, мол, вы не можете собраться за это время, то очень жаль, но главное - эвакуировать жителей. Личные вещи и оборудование сотрудники станции соберут и переправят самостоятельно, более того, мы готовы взять на себя этот труд абсолютно бесплатно.

Третье - у выхода из каждого модуля начинают дежурство сотрудники службы безопасности Вергааса (как я уже говорил, в отличие от игры, здесь это не роботы, а живые инопланетяне. Правда, они больше похожи не на терминаторов местного разлива, а на стандартных старожилов среднего полицейского участка на Земле... но хоть что-то.) Эти сотрудники никому не мешают выходить, никому не мешают входить, просто стоят там с кобурами на виду. И вдобавок из переносных динамиков транслируется содержимое наших писем, отправленных главам модулей.

Я ожидал, что эта мера будет действенна только для ацетиков, поскольку тораи сидят в своем модуле безвылазно. Но нет, выясняется, что молодые тораи в своих цистернах выходят в основной хаб проветриться довольно часто. Так что вскоре руководитель модуля тораи начинает нервничать и напрашивается на встречу. Чуть позже его примеру следует и руководитель ацетиков.

Лидера тораи здесь, как и в игре, зовут Ардено Нолькарро, но он, конечно же, не связывался с земной программой тренировки искина, а потому мы с ним не знакомы. Вид деятельности, которым занимаются тораи в своем модуле, в документации указан как «образовательный», и Миа подтверждает – да, земные сценаристы ничего не придумали, у него тут действительно школа для юных дарований. Правда, в отличие от игры, дарований аж двадцать пять особей, а сам Нолькарро не единственный преподаватель, есть еще двое.

И вот тут наступает тонкий момент.

«Это ведь не игра, – повторяю я себе, планируя эту операцию. – Это совершенно точно не игра, и нельзя об этом забывать».

Дело в том, что у тораи и ацетиков разные представления о деловом этикете. Ацетики прагматичны: если возникла сложность, они хотят разрешить ее не откладывая. При этом во всякие статусные игры они не играют. Им все равно, например, кто первым, а кто последним поставит подпись на документы, что не раз становилось камнем преткновения во время мирных переговоров на Земле.

Тораи – наоборот. Им мало решить вопрос, важно еще поставить себя. Может быть, потому что их общество предельно иерархично, хоть это и не привычная нам иерархия меритократии (чего добился, за то тебя и ценят) или наследственной классовости (если все твои предки были дворянами, разбейся в лепешку, но веди себя как дворянин). У тораи все, казалось бы, проще: чем ты старше, тем выше твой статус.

Но, поскольку старшее и младшее поколения не могут общаться напрямую (по крайней мере, в обычных условиях), жизнь обычного тораи постоянно связана с целой кучей условностей и церемоний, куда там древнекитайским императорам или индийским брахманам. Молодежь должна постоянно показывать старшим, что она их уважает, пусть и дистанционно, а старшие, соответственно, ни в коем случае не имеют права уронить свое достоинство.

Например, если младший почтительно просит старшего об аудиенции, старшему ни в коем случае нельзя соглашаться тут же, даже если он абсолютно свободен и весь день пинает балду. Исключение – если оба работают, например, на термоядерной станции и им необходимо обсудить деловые вопросы, но такое бывает редко. С определенного возраста тораи, кажется, вообще не работают, а только пожидают плоды накопленной ранее репутации. Ну или погибают, если им не удалось накопить достаточно ресурсов, чтобы прокормить себя при все увеличивающемся размере. Хотя это тоже редкость: у тораи до сих пор действует довольно жесткий естественный отбор среди детей и молодежи (родители о детях не заботятся, просто мечут икру в океан), поэтому между теми, кто доживает до определенного возраста и становится размером хотя бы с бочку, конкуренции почти нет – ресурсов и так хватает на всех.

Поэтому если с ацетиками следовало встретиться немедленно, то тораи нужно было как следует помариновать, чтобы показать, что мы считаем их смиренными просителями, а себя – более высокими по статусу. Иначе, предупредила меня Миа (да я и сам об этом догадывался), они будут вести себя как хозяева положения, и сладу с ними не будет.

Однако при этом нельзя было допустить, чтобы встречи с тораи и ацетиками оказались сильно разнесены по времени – а что если те, кто пойдет позже, узнает, о чем мы договорились с теми, кто пошел раньше, и успеют подготовиться?

В общем, следовало усилить давление на ацетиков и уменьшить на тораи, чтобы тораи успели дойти до точки кипения как раз к тому моменту, когда ацетики решат начать прорабатывать проблему.

Этот тонкий расчет не стал самым скользким местом плана только потому, что план вообще целиком состоял из скользких мест – а как еще прикажешь разруливать политический кризис между двумя великими державами, когда ты попал между ними, как между молотом и наковальней, а своих ресурсов у тебя нет?

В общем, в результате, когда тораи подали заявку на встречу, мы их проигнорировали – и принялись грызть ногти, ожидая, когда ацетики примутся околачивать наши пороги. Затянуть с этим тоже, понятное дело, было нельзя. А они все не шли и не шли!

Пожалуй, я бы запорол придуманный мною лично план и вызвал бы их на встречу сам, но я... попросту забыл.

Мне было некогда!

Уже в игре у меня, с момента перехода в капсулу, не оставалось времени даже почесаться. А вживую все, естественно, оказалось гораздо сложнее – и ситуацию не облегчало то, что многие расы выглядели иначе, в том числе значительно кошмарнее, чем их изобразили земляне. А кто не был кошмарнее – омикра, например – вдруг продемонстрировали настолько разительные психологические выверты, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Впрочем, это ладно бы. Это интересно и до некоторой степени весело. Куда хуже – повседневное управление станцией, подписание кучи документов, решение множества мелких конфликтов...

А еще нужно было следить, чтобы Белкина не перекормили и не перетискали, чтобы он как следует освоился...

Неудивительно, если за всем этим я забыл, что трехдневный ультиматум для тораи и ацетиков подходит к концу. Тем более что кризис сафектийцев тоже ведь никто не отменял.

Да, сафектийцы – розовые ребята, которые выбирают лидеров гонкой на выживание. На фоне всего остального их проблема кажется почти смешной: ну что такого – выйти и произнести речь, заверив, что никакого вмешательства в их выборный процесс не было и быть не могло! Однако прежде, когда на станции не было живого капитана, искин с этой задачей справиться не смог – понятное дело, что сафектийцы не доверяли искину, части той самой нейросети, которую они подозревают в жульничестве.

Да и мне, как выяснилось, готовы поверить только при соблюдении определенных условий.

– Своим трехдневным ультиматумом для тораи и ацетиков вы хорошо показали себя, – напутствует меня Миа. – Сафектийцы любят решительных лидеров. Но еще вам нужно убедительно говорить о технических аспектах виртуальной реальности, которая использовалась для выборов – они еще и ценят

профессионализм, и среди вашей аудитории будет немало тех, кто обладает хотя бы поверхностными техническими знаниями. К счастью, вы уже пробовали эту технологию на себе: именно она лежит в основе капсульной версии симулятора станции.

– Хорошо, а почему я не могу просто сказать, что реальная чрезвычайная ситуация отличается от ее симуляции, и поэтому лидер среагировал на нее иначе? – говорю я. – Мы ведь все понимаем, что именно это и случилось.

– Ни в коем случае нельзя вам этого говорить! – восклицает Ансули Раго, приглашенная в качестве консультанта на наше совещание. – Тем самым вы подразумеваете, что виртуальные технологии могут в принципе использоваться для выборов! А это краеугольный камень программы Прогрессивного движения, которое нынче у власти.

– Но ведь если я буду долго объяснять, что мы никак не повлияли на результаты виртуальных выборов, в итоге это будет означать именно это. Если выборы проводились согласно утвержденной технологии, значит, сама технология не адекватна.

Ансули Раго выглядит сбитой с толку, словно это впервые пришло ей в голову. Очень надеюсь, что она не глупышка по жизни, а просто не ставит под сомнение действия своего правительства. Не хотел бы я иметь дуру в своем экипаже. А вот не критичность в отношении сильных мира сего – грех простительный. По крайней мере, я с ним сталкивался часто. Если его не прощать, то вообще работать не с кем будет.

– Это совсем другое дело, – наконец говорит она.

Миа потом приватно объясняет мне все то же самое: сафектейцы, мол, не приучены критиковать правящую партию. Большинство из них воспринимает несогласие с существующим порядком вещей как слишком сильный стресс и бережет от него свою хрупкую психику.

– Так как у них шел социальный прогресс вообще? – пораженно спрашиваю я.

– Практически никак, – пожимает плечами Миа. – Во многом их общество до сих пор, даже в космическую эпоху, построено на родоплеменных принципах. Это

работает именно потому, что сафектийцы спокойны и неконфликтны по отношению друг к другу.

- Как же они вообще выжили как вид? – удивляюсь я.

Тут же вспоминаю, что именно мысль о сафектийцах как о виде пришла мне в голову еще на Земле, когда я впервые узнал об их проблеме – давным-давно, кажется, целую вечность назад.

- По отношению друг к другу, – улыбается Миа, и странно слышать интонации, к которым я привык у аватара Бриа, от девушки с другим лицом. – По отношению к чужакам они могут быть агрессивны и даже гиперагрессивны. Поэтому отнеситесь серьезно к предупреждению Ансули и не пытайтесь ни намеком никого там критиковать.

- Забросают тухлыми помидорами? – с иронией спрашиваю я.

- Скорее, камнями. Не знаю, кто такие помидоры, но на станции они точно не водятся.

* * *

Неудивительно, что после таких напутствий я отправляюсь на выступление перед сафектийцами слегка на взводе – и совершенно забываю о военном конфликте у меня на руках. Точнее, этот конфликт как-то сам вылетает у меня из головы, потому что места в ней категорически не хватает.

Модуль сафектийцев и в жизни выглядит так же завлекательно, как и на картинке... то есть в игре. Прозрачным куполом накрыто пространство, которое похоже на выдранный из реальной планеты кусок обычной природы: почти идеально круглое озеро, окруженное каменистыми скалами, заросшими какими-то хвойными рощами, и маленький белый городок в этой чаше гор и лесов.

Домики в этом живописном месте кажутся почти средневековыми: вычурные башенки, элегантные арки, то и дело – витражные вставки или целые витражные окна. Все заливают яркий солнечный свет, но если поднять голову, то сквозь прозрачный купол видны звезды и край коричневого бока газового

гиганта.

Обстановка – как в сказке. Или как в компьютерной игре, да.

Меня снова охватывает щемящее чувство нереальности происходящего, и приходится напомнить себе, что это моя настоящая жизнь, и нефиг тут расклеиваться.

К сожалению, Белкина, который мог бы послужить психологическим якорем, со мной нет: Ансули и Миа дружно отсоветовали его брать, хоть на шлейке, хоть в переноске. Мол, для нежной психики сафектийцев он может оказаться стрессовым фактором. А жаль, Белкину бы тут понравилось. От озера дует свежий ветер, погода – в этом модуле есть даже погода! – очень приятная.

На нашем должностном электрокаре мы с Миа пересекаем весь городок и оказывается на агоре... или форуме? Или как это назвать? В общем, приподнятая площадка рядом с ратушей, на которой собирается вся община для принятия важных решений. Здесь уже стоит белый экран, конструктивно ничем не отличающийся от привычного мне экрана для проектора. Да и презентация, которую подготовили для меня Нор-Е и Томирл (я с ней, разумеется, ознакомился и даже подогнал под себя, как мог, серьезно упростив), мало отличается от привычных мне презентаций. В ней даже слайды есть, а на слайдах – анимация.

– Уважаемые жители станции! – начинаю я. – Во-первых, позвольте вновь поблагодарить вас, что вы выбрали вверенную нам площадку для важного социального эксперимента. Это лишний раз показывает, насколько важна станция «Узел» для межзвездного сообщества. И мы не уронили вашего доверия...

Тут я делаю паузу, чтобы облизать губы. Странно, вплоть до этого момента я даже не вспоминал, что боюсь публичных выступлений! Ну не то чтобы боюсь, но в школе я чаще, чем нет, заваливал вызовы к доске, и никогда не участвовал ни в каких интеллектуальных движухах, если там нужно было не тихо сидеть и писать себе эссе или решать логические задачки, а что-то презентовать. А после школы мне вообще не доводилось говорить перед аудиторией. И то, что аудитория странная – розовокожая, с фасетчатыми глазами, так что это скорее похоже на сон, чем на явь – дела не меняет.

Что-то во мне тут же усыхает и съеживается. К горлу подступает комок, думается – ну вот сейчас я облажаюсь и они поднимут меня на смех! Или будут болтать и не услышат меня. У меня ведь даже громкоговорителя нет.

Однако тут же подает голос другая часть меня, с которой я пока мало знаком, но с каждым днем знакоюсь все ближе. «Это твоя работа, – говорит эта часть. – Ты на нее подписался, ты несешь ответственность за результат. И ты уже начал это делать, так что не веди себя как персонаж дурацкой мелодрамы, не порти все из-за какой-то интеллигентской дрожи! Тем более, ты ни хрена не интеллигент, ты в лучшем случае повар!»

Вся эта внутренняя выволочка продолжается меньше секунды. Почти без перерыва я продолжаю:

– ...Не уронили ваше доверие. Выборы были проведены четко, с использованием максимально надежных стандартов безопасности...

Я продолжаю разливаться соловьем, мешая канцелярит с техническим суржилом. Ощущение странное: с одной стороны я чувствую себя как студент, за ночь перед сессией впахнувший в себя невпихуемый объем материала. С другой – как тот же студент, который этот материал внезапно понял, и теперь испытывает настоящее вдохновение.

Потому что – таки да! До меня все – или почти все – дошло. Я тщательно проштудировал переданные мне данные, я проверил все с Томирлом (подавив дрожь перед его студенистой внешностью) и с Нор-Е, я тщательно отрепетировал речь в своей каюте перед зеркалом (и перед Белкиным) и я рассказал все Миа. Та внесла пару небольших поправок, но в целом одобрила.

А еще из-за этой тщательной подготовки я поспал хорошо если пять часов этой ночью и даже в своей каюте не успел толком обжиться, поэтому мое вдохновение носит слегка маниакальный характер.

– ...Из чего следует, – заканчиваю я, – что станция «Узел» – лучший выбор, который вы могли сделать для пилотных выборов.

Мы с Миа немного поспорили насчет последней фразы: она говорила, что это тавтология, а я – что это игра слов (на языке 3,14 «выбор» и «выборы» тоже

однокоренные слова). В результате сошлись на моем варианте, но она заставила меня трижды отрепетировать интонацию.

– Большое спасибо капитану Старостину! – говорит лидер сафектийцев, тот самый Треймхарт Раго. На протяжении всей моей речи он стоял рядом на помосте, скромно потупив глаза – старался казаться как можно менее заметным. Теперь, однако, он словно расправляется: на глазах приобретает уверенность в себе и как будто даже становится выше ростом. – Он исчерпывающе описал досадное недоразумение, которое произошло у нас! Теперь можете задавать вопросы!

В первый момент меня охватывает паника, как того студента, выучившего все за ночь перед экзаменом: к вопросам-то я не готовился. Следующим приходит облегчение – да ладно, это же не настоящий экзамен, честно. Если пойму, что не знаю чего-то, скажу, что мне некогда – и был таков. Но вообще я правда на совесть разобрался в теме, что они могут спросить такого...

– Капитан Старостин! – вперед выходит очаровательная девушка. Сафектийцы похожи фигурами на людей, и, хотя у их женщин нет груди, догадаться о том, что перед вами дама, нетрудно: они меньше и значительно изящнее. Эта конкретная особенно симпатична, даже огромные выпуклые глаза, характерные для этой расы, ее не портят. – Скажите, пожалуйста, – продолжает прекрасная незнакомка, – а правда, что вам предложили занять эту должность вместо смертного приговора?

– Нет! – этот возглас срывается у меня с губ еще до того, как я успеваю обдумать ответ.

– Тогда вместо пожизненного заключения? – спрашивает очаровательное создание невинным тоном.

– Нет! – снова восклицаю я. – Мне пришлось выдержать конкурс, чтобы попасть сюда!

И ведь это правда. То, что я не знал о проведении этого конкурса, абсолютно его не отменяет.

Однако мое заявление о конкурсе производит на слушателей совсем не то впечатление, на которое я рассчитывал: они переглядываются с видом «во развели лоха».

Тут в разговор вступает Миа, делая шаг вперед к краю сцены:

– Капитан имеет в виду, что ему пришлось доказать свои профессиональные навыки и личные качества, прежде чем его допустили к этой должности.

Мне же она шепотом говорит: «Капитан, забыла предупредить! У них в общинах все друг с другом знакомы, принято допрашивать лидеров о самых личных вещах. Отказываться отвечать – значит похоронить свою репутацию».

М-да, думаю, я, вот это влип.

«Извините!» – добавляет Миа.

Однако лишь через секунду я понимаю, насколько серьезно я влип и какие прочувствованные извинения она мне на самом деле должна. Потому что через секунду из толпы прилетает следующий вопрос:

– А правда, что земляне извергают не пошедшую впрок пищу и через рот, и через зад?

Я открываю рот – но звука не выходит. К счастью, в толпе находится всезнайка, который отвечает за меня:

– Неправда, у них физиология еще интереснее! Они вообще из всех телесных отверстий отходы жизнедеятельности сбрасывают, даже из глаз!

– Чо, правда? – восхищается первый голос.

Тут мне все-таки удается наладить контакт со своим языком.

– Правда, – говорю я. – Отрадно знать, что такой великий народ, как сафектийцы, столько знает про жителей моей далекой планеты.

А что? Грубо, конечно, но, по-моему, уж что-что, а лесть к дипломатическому скандалу привезти физически не может!

(Подумав так, я тут же вынужден унимать свое параноидальное воображение, которое накидывает мне примерно десять сценариев развития событий, когда именно лесть приводит к всегалактической войне).

Однако сафектийцы довольно улыбаются, и я могу себя поздравить: выкрутился. Молодец я, и красноречие у меня работает на славу.

– Капитан, а это правда, что у вас роман с одной из ваших заместительниц? – спрашивает еще один голос. Кстати говоря, мужской.

Мое красноречие выкидывает белый флаг и отключается.

– Почему с одной-то? – снова выкрикивает какой-то всезнайка. – С двумя как минимум, а вообще говорят, у вахтенных офицеров расписание, чтобы гладить его кота!

– По-моему, это показатель серьезных отношений, – гудит чей-то бас.

– Да ладно, у него на самом деле роман с господином Раалом! – А этот голос уже женский и довольно мечтательный. – Они так славно смотрятся вместе!

Что?!

– Да ладно, у землян не принято заниматься сексом с особями своего пола, у них за это увольняют с работы, а потом удаляют лобные доли мозга. Инфа сотка, Абдуркан Рахман у себя в блоге только вчера написал!

– Так Раал на самом деле женщина, вы ведь знаете этих Превосходных!

– На самом деле он сохнет по адмиралу Виоланне Откушу-Врагам-Головы! Все слышали, что она нелестно отзывалась о его назначении, а это верный знак.

Обсуждение моей личной жизни набирает обороты, захлестывая всю агору, а я только и могу, что глупо открывать и закрывать рот.

Хоть бы Миа помогла, что ли! Хороша заместительница!

А, черт, здесь она не моя заместительница, а зам моего зама. Зам моего зама не мой зам?

– Сограждане! – Треймхарт выступает вперед и поднимает руки вверх успокаивающим жестом. – Напоминаю вам, что капитан Старостин не занимает выборной должности в Сафектийском Директорате и оказывает нам честь, согласившись выступить тут.

Да! Ну слава богу, кто-то вспомнил!

– ...Поэтому прошу вас задавать вопросы вежливо и по одному.

Да что б вас!

– Капитан! – слово берет какой-то, судя по голосу, довольно молодой сафектиец. – Прошу вас, развейте наше недоумение: кому из ваших заместителей вы будете делать предложение в самом ближайшем будущем? И можно ли надеяться, что это будет наша соотечественница, Ансули Раго?

– Кельмин, это целых два вопроса, – укоризненно говорит ему Треймхарт. – Но в целом... Капитан, я присоединяюсь к интересу этого юноши!

Я хочу отшутиться, но вдруг встречаюсь взглядом с Миа. Она вежливо улыбается, а глаза откровенно смеются. Мне вдруг становятся понятны две вещи: во-первых, она относится к ситуации с иронией и всерьез ее не воспринимает. Во-вторых, если я скажу сейчас что-нибудь не то, мне это еще долго будут припоминать.

– Дело в том, – говорю я, – что в отношения нельзя вступить только вдвоем. – Слушатели удивленно переглядываются, я слышу чей-то шепот: «Ну я же говорил, за двумя сразу будет ухлестывать!».

– Кроме мужчины и женщины, – продолжаю я, – в отношениях еще будут их обязательства, существа, которые от них зависят, и их представления друг о друге. Поэтому женщина, которую я выберу, должна иметь максимально

объективное представление обо мне, как и я – о ней. А еще она должна любить меня настолько, чтобы не возражать против моей работы здесь. Когда все эти условия окажутся выполнены, можете не сомневаться, что мы тут же сыграем свадьбу... Кстати, а как сафетийцы играют свадьбы?

На меня тут же обрушивается гвалт толпы: все говорят одновременно, описывая свои свадебные обычаи. Отлично, можно считать, выпутался!

Потом я встречаю взгляд Миа – знакомый и незнакомый одновременно. Она улыбается.

6

Как было бы легко, если бы работа с кризисом, способным привести к войне между двумя расами-спонсорами, отнимала бы у меня все время! Я бы ощущал себя великим дипломатом, от чьих слов и решений зависят судьбы вселенной. Да и просто льстил бы себе мыслью, что мои усилия способны что-то изменить.

Однако накануне срока, когда истекают переданные ацетикам и тораи ультиматумы, я занимаюсь тем, что улаживаю скандал по поводу забитой канализации между двумя владельцами небольших бизнесов на второй линии центрального хаба.

Линиями здесь называют коридоры: самый широкий и ближайший к рубке одновременно короче всех, здесь и трафика больше всего. Два других умже, но значительно длиннее и малолюднее. Аренда там стоит, соответственно, дешевле.

Так вот, возвращаясь к этому конфликту: первое заведение оказывало цирюльно-парикмахерские услуги, которые включали отшелушивание чешуи. И спускало эту чешую в коллектор. Все было нормально, пока в соседнем заведении, где предоставляли лечебные процедуры, не начали спускать в тот же коллектор лечебную грязь. Чешуя и грязь слиплись, намертво закупорив смежный сток. В результате вонять начало не только в этих двух заведениях, но и во всем ряду, которому не повезло пользоваться тем же коллектором.

И вот это дурнопахнущее дело принесли мне на стол.

Я не шучу: чтобы показать, как все серьезно, ребята не поленились вытащить комок грязной глины с налипшей на нее чешуей и выложить прямо мне на стол! Хорошо хоть, в пакете. Плохо, что в прозрачном.

– Господа, – говорю я, – а вы уверены, что этой проблемой должен заниматься именно капитан?

– А от кого еще этот недостойный ожидает должной мудрости, необходимой для решения этой проблемы, как не от вас? – возмущается владелец салона красоты. Это Превосходный, одетый особенно щегольски. Я бы даже сказал, что он манерен, если бы все остальные Превосходные не разговаривали и не держались бы примерно так же: с подчеркнутой подобострастной вежливостью. Как они при этом умудряются производить впечатление гордой и опасной расы, бог весть! Не в одних же рогах дело? Или все-таки в них?

– Мы имеем право, чтобы капитан разобрался в произволе на его станции! – хмуро заявляет хозяин салона лечебных процедур.

Это талесианка, что вместе с сочетанием «салон лечебных процедур» вызывает у меня вьетнамские флэшбеки. Но ничего общего с приснопамятным «Норагиром» тут нет, да и сама талесианка меньше всего напоминает изящную Миа. Да, я не оговорился, когда назвал ее хозяином, а не хозяйкой – а как еще прикажете называть существо, которое выглядит как мужчина и говорит низким голосом?

Она высокая, с мощными плечами, а ее лицо больше всего напоминает вытянутую морду соноранцев. Фигурой она тоже похожа на соноранцев, только хвоста не хватает.

Я уже знаю, что талесианки, умея в широких пределах менять свою внешность, частенько подстраиваются под представителей рас, с которыми им приходится иметь дело чаще всего. А что касается женщин и мужчин... Да, биологически талесианки бесполы, и то, что наши земные игроделы решили говорить о них в женском роде – исключительно их выбор, причем скорее эстетический, чем даже сюжетный. С тем же успехом могли выбрать средний или мужской. Сами талесианки этим, естественно, не смущаются. Пользуясь аналогиями из нашей

научной фантастики, это не раса азари, а скорее раса гетенцев... хотя нет, и тут не то. Гетенцы все же андрогинны и размножаются половым способом. Для талесианок понятие пола – просто такая игра, в которую некоторые из них играют, если выбираются на галактический простор. А некоторые, вроде Бриа (я имею в виду реальную Бриа, моего зама по юридическим вопросам) предпочитают не играть.

– Ладно, – говорю я, глядя на малоаппетитную субстанцию у меня на столе. – Давайте разбираться.

Стол, между прочим, роскошный. Большой, как футбольное поле, на первый взгляд (и даже на ощупь) из какого-то красивого дерева, но на самом деле с экраном, занимающим всю столешницу.

И остальной кабинет ему под стать: стены, вроде как обшитые деревянными панелями, на самом деле представляют собой сплошной экран, как на корабле у Абдуркана. Можно настроить отображение того, что реально происходит вокруг станции (меня заверили, что постепенно я научусь отличать суда на подлете от звезд), можно – какую угодно картинку. Я уже нашел в памяти местной нейросети несколько морских побережий, похожих и непохожих на земные, и какие-то живописные заросли, больше всего напоминающие зараженный лес Миядзаки из «Навсикаи».

Нашел бы и больше, но побаловаться с настройками у меня было от силы минут пять – потом начались приемные часы. И выяснилось, что все население станции только и ждало, пока сможет сгрузить свои проблемы на плечи живого капитана.

– А тут и разбираться нечего! – мрачно буркает талесианин (буду называть его так). – Этот прохвост пытается свалить штраф на меня. Но если бы не его чешуя, моя глина коллектор бы не забила!

– Уверен, что капитан примет во внимание, что этот недостойный много недель уже работает на станции, предоставляя услуги, похожие на услуги уважаемого соседа, который открыл свое заведение совсем недавно! – изысканно вежливо, но напористо произносит талесианин. – И этот недостойный подозревает в нынешней проблеме нечестную конкуренцию!

- Что значит – конкуренцию?! – разевает широкую соноранскую пасть талесианин. – Ты на что намекаешь?!

- Этот недостойный не осмеливается делать намеки, но говорит прямым текстом: ваши так называемые лечебные процедуры – не что иное, как косметическое очищение! И вам следует оплатить не только штраф за засорение коллектора, но и штраф за ложную рекламу и неверное позиционирование своих услуг!

- Ах ты, легке рогатый!

- Капитан! Этот недостойный призывает вас обратить внимание, что его оппонент первым опустил до нецензурной брани!

- Я щас тебя самого опущу! Это ты за клевету должен уплатить!

- Тихо! – Бью рукой по столу, что производит неожиданный эффект: немедленно все экраны по стенам кабинета зажигаются, и на них вспухает грибообразный взрыв. Беззвучный, но вспышка так ярка, что оба моих жалобщика испуганно шарахаются.

О, отличный эффект. Интересно, чей подарок? Неужели Нор-Е или Томирл расстарались? Или вообще остался от прошлого искина?

Стараясь не подать виду, что так же ошарашен вспышкой, как и мои гости, продолжаю:

- Так. Господа... и дамы. Насколько я понимаю, вопрос ясен. Вам начислен... – смотрю в небольшой экран, который плавает как бы «под» поверхностью стола у моей правой руки, – штраф за засорение канализации, который поделен между вами пополам. Но каждый из вас пытается мне доказать, что штраф должен заплатить другой?

- И еще компенсацию за нечестную конкуренцию! – восклицает Превосходный, забыв добавить «этот недостойный».

- Выплаты за моральный ущерб от клеветы! – рычит талесианин.

– Хм, – говорю я. – Уважаемый... Эмарт Гоюнс, – так зовут Превосходного, – насколько я вижу, вы уже выплачивали вскладчину штраф за засорение коллектора в прошлом периоде. Только тогда салон уважаемой... Кариа из клана Синей спиралевидной ветви еще не работал, рядом с вами было учреждение арт-досуга, который держали сарги. Так?

– Допустим, – бормочет Гоюнс.

– И там тоже было засорение глиной, – говорю я. – Совпадение?

Жалобщики смотрят друг на друга.

– Ну ладно, – буркает талесианин. – Глину я взял, которую сарги оставили. Не пропадать же добру!

– И в прошлый раз, – говорю я, – вы, господин Гоюнс, не обращались ни с какими жалобами, просто уплатили штраф пополам, как и следовало из постановления санитарной службы станции.

На лице Превосходного появляется сложное выражение: он вроде бы уже понимает, что бой проигран, но просто так сдаваться не хочет. А вот до талесианина, кажется, уже дошло: он забирает с моего стола пакет с неприятным содержимым и начинает пятиться.

– Этот недостойный счел бесполезным доказывать что-то стационарному искину, – говорит наконец рогач. – Тогда как вы, капитан, с вашей мудростью и прозорливостью...

– Точно так же заставлю вас уплатить штраф пополам, – говорю я. – Вам ведь было предписано утилизировать чешую другим способом?

– Но откуда же этот недостойный мог знать, что там опять будет глина? Сарги-то съехали! По справедливости...

– А вас, Кариа, – перебиваю я речь Превосходного, – я могу еще все же оштрафовать за ложную рекламу и за намеренное засорение...

– Это глина лечебная! – тут же возражает Кариа. – Для некоторых видов! Я проверил! Так что у меня все в ажуре!

И вылетает за дверь.

Превосходный мрачно смотрит на меня, кланяется и тоже выходит. Но не успеваю я облегченно выдохнуть, как появляется следующая группа посетителей – трое преи, которым отказали в заявке на экскурсию по энергетической установке... ну той самой, которая улетела. И они этим очень возмущены и намерены качать права, хотя деньги им вернули.

Блинский блин...

Сообщение от Миа о том, что она наконец договорилась о переговорах с ацетиками и тораи (не вместе, а по отдельности, но впритык друг к другу) воспринимается мною, как спасение. Сил нервничать перед этим важным событием уже не остается.

* * *

Первыми мы договорились с ацетиками. Я принимаю их делегацию – шесть грибных «плодовых тел»; с их новым обликом мне сложновато считать их отдельными разумными – в конференц-зале рядом с рубкой, а не в своем кабинете.

Торл-Элерл представляет собой такую же студенистую разбухшую матрешку, как мой главный инженер Томирл-Томирл. На рыхлом комковатом лице черные прорези глаз производят особенно тяжелое впечатление. С ним еще пятеро; их мне никак не представляют, они даже со мной не здороваются, и зачем они здесь, мне совершенно не понятно. Возможно, для психологического давления.

Надеюсь, мне удастся не показать виду, насколько мне не по себе, пока мы обмениваемся положенными дипломатическими приветствиями.

Кстати, еще одна деталь, которой не было в игре: нам приходится зарегистрироваться в специальном приложении, подключенном к бортовой нейросети, подтвердив, что дипломатическая встреча состоялась, и включить

запись – ибо все такие переговоры на станции «Узел» должны проходить официально.

Наконец все формальности завершены. К моему удивлению, не успеваю я раскрыть рот, как Торл-Элерл сразу берет быка за рога:

– То, что вы делаете, капитан, совершенно неприемлемо, – говорит он. Или она. В реале у ацетиков высокие, неестественные и совершенно бесполое голоса. А раз так, буду по дефолту считать, что все они мужского рода – ну не феминистка я, не феминистка. Мне так привычнее.

– Что именно неприемлемо? – отвечаю я. – То, что я забочусь об интересах своей станции?

– То, что вы препятствуете работе моей организации. Вы не имеете право выселить нас – мы исправно платим арендные взносы.

– Вообще-то, имею, – говорю я. – Ваша деятельность угрожает бесперебойной работе станции и даже самому ее существованию. По этому поводу в Уставе есть соответствующий пункт.

Действительно есть. Его внесли после того, как в одной из симуляций по обучению искина некий игрок – кх-кхм, кх-кхм – выстрелил проросшую талесианку в космос. Потому что если сам случай с загулявшей талесианкой подразумевался сценарием (и именно для этой роли щепетильная Бриа отказалась предоставлять свои данные, а наделенная более развитым чувством юмора Миа согласилась), то мой способ решения этой проблемы оказался для всех новостью. Насколько я понял, именно с того момента ко мне стали по-настоящему присматриваться.

Ну так вот, теперь мне наличие этого пункта в Уставе только на пользу.

– Никакого вреда станции наша деятельность не несет, – холодно возражает Торл-Элерл. – Только пользу. Мы платим все отчисления и налоги.

– Однако если бы не ваше присутствие на станции, тораи не пытались бы блокировать поставки рабов, – довольно жестко говорю я.

Здесь у ацетиков нет выражений лиц, поэтому рыхлый мешок остается рыхлым мешком. Однако Торл-Элерл молчит – долго, несколько секунд, а это совсем немало в ходе обычной беседы. Его молчание уже само по себе было бы признанием, но потом он произносит:

– Мы получаем лабораторные материалы, замороженные в криокамерах.

– В просторечии – рабов, – развиваю я свой успех.

Нельзя сказать, что тут я бью совсем наугад. Кое-что рассказал мне Абдуркан Рахман – очевидно, величайший сплетник в этом уголке Галактики – а кое-что подтвердили мои собственные сотрудники.

– Это голословные обвинения, – после очередной паузы произносит Торл-Элерл.

– Ну да, – соглашаюсь я. – Вы, конечно, можете подать на меня в суд за клевету. А я представлю в качестве доказательств своих слов грузовые накладные и перечни материалов, которые поступали в ваш лабораторно-производственный центр, – последние слова я выделяю интонацией. – Мне просто интересно, для каких таких материалов нужно гонять туда-сюда ростовые капсулы, каждая из которых потребляет столько энергии, что ради груза этих капсул приходится нанимать танкер класса «Армит». Очень дорогостоящие холодильники выходят. И высокотехнологичные. А самое интересное, что большая часть этой энергии тратится даже не заморозку, а на радиационную защиту.

На этом месте Торл-Элерл опять же не меняется в лице, зато его свита «для моральной поддержки» вдруг качается вправо, затем влево и снова замирает. Выглядит... неприятно.

– Опять же косвенные данные, – говорит Торл-Элерл.

– У меня этих косвенных данных больше, – продолжаю я. – Хотите послушать?

– Не люблю пустую трату времени.

– Это у вас много времени не займет. В общем, ходят слухи, что несколько стандартных периодов назад, когда ужас Катастрофы был еще свеж и расы

реально пытались сотрудничать между собой, некая планетопроедческая организация тораи попросила помощи одной из ваших компаний. Общеизвестно, что из-за особенностей своей физиологии тораи приходится разрабатывать большинство планет дистанционно, с помощью дронов. Поэтому себестоимость добываемого ими сырья значительно выше. Но полностью переходить на покупку сырья у других рас они не хотели – ну вот такие недоверчивые господа, что поделать. Зато хотели как можно сильнее удешевить процесс. И узнали о том, что вы в некоторых случаях делаете дронов из живых людей. С помощью мицелия, который может проникать в тело некоторых организмов и контролировать их. Причем делаете вы это через организмы того же вида – сперва внедряете грибницу в отдельных переносчиков, потом выпускаете их в родную среду, чтобы они заражали там своих.

– Бездоказательные слухи, – вновь после паузы произносит Торл-Элерл.

– Еще какие бездоказательные! – подхватываю я. – Потому что вещи такого сорта не одобряются даже на вашей собственной планете и запрещены законодательством Экспансии Аце. Правда, насколько я знаю, ваши верховные суды смотрят на такие нарушения сквозь пальцы, если пострадали полуразумные народы или народы, находящиеся на низкой ступени развития. А как раз именно к ним относится народ третьей планеты в системе звезды Лест-ор-пятьдесят шесть. Очень интересная планета! Исключительно высокая радиоактивность, такая, что электронные приборы выходят из строя. Очень богатые месторождения. Но при этом на планете есть биосфера – и даже господствующий вид, бипедальный, с развитым поясом верхних конечностей, подходящих для тонкой работы. Живут эти создания племенами, городов не строят, но уже делают примитивные инструменты. Поэтому, согласно правилам Межзвездного содружества, их следовало бы оставить в покое, не разрабатывать даже астероиды, и улететь в другую звездную систему на поиски тех же материалов. Но тораи показалось, что дешевле будет поступить иначе – и они обратились за помощью к вам.

– Это всего лишь слухи, – повторяет Торл-Элерл.

– Разумеется, всего лишь слухи, – покладисто киваю я. – Как и то, что вы обманули тораи. Планета показалась вам слишком перспективной, поэтому, вместо того чтобы передать контроль над вашими... назовем их живыми дронами... заказчику, вы захватили их сами. Подумали, что жаловаться тораи не будут, поскольку и сами планировали поступить незаконно, и сражаться за эту

планету тоже – если трезво подсчитать прибыли и убытки, межзвездные конфликты никогда не выгодны. И вот тут не учли одного. Психологии тораи. Дело в том, что изрядная доля в том коммерческом предприятии принадлежала Старшему Ардено Нолькарро – который, по совместительству, также является известным наставником малолетних. А раз так, он не мог позволить уронить свое реноме в их глазах. Ну и кроме того... к этой планетной системе у его компании были подходы, а новую еще нужно было искать и тратить деньги. Тогда как конфликт с вами предстояло вести не ему лично, а Альянсу тораи в целом. Ну и вы, уважаемый Торл-Элерл, рассудили точно так же. Чем я потрачу один кредит, пусть лучше государство потратит миллионы.

– Выдумки, – деревянно отвечает Торл-Элерл.

– Да? А мне кажется, очень логично. И вот уже исчезают обиженные ацетики, которым подлые тораи не дают заниматься бизнесом. И подло обманутые тораи, которых ацетики нагрели на деньги, тоже исчезают. Остаются два не очень-то чистоплотных фигуранта, которые не поделили кусок нелегальных доходов. А потом еще стравили свои правительства между собой, пользуясь своим влиянием.

– Это чисто гипотетический сценарий, – говорит Торл-Элерл.

Пятеро собратьев по грибнице за его спиной снова качаются в одну сторону, потом в другую, и повторяют нараспев:

– Гипотетический сценарий!

Блин. Больше никогда не буду вести с ними переговоры один на один! Возьму Миа для моральной поддержки. Но сейчас важно было, чтобы никто, кроме меня, при разговоре не присутствовал. Хотя обе мои помощницы, и Миа, и Бриа, разумеется, в курсе плана. Они же помогли мне подготовить эту речь.

– Возможно, – говорю я покладистым тоном. – Вот такой я фантазер. Как вы думаете, если я передам вашему правительству запись нашей беседы, возможно, оно захочет проверить мои фантазии? И понравится ли ему, что вы используете его военные ресурсы в своих интересах? Нет, конечно, вы, может быть, и отопретесь в итоге. Крупным корпорациям обычно сходят с рук любые преступления, здесь ни одна раса не исключение. Но убытки будут солидными.

Торл-Элерл молчит. Я же продолжаю:

- Но я могу эту запись и не передавать. Устав станции требует от меня только ее вести и шифровать личным кодом капитана. Никто ее не получит, если я не сочту нужным. Никто не будет знать. Но у этого варианта развития событий есть условие.

- Какое? - спрашивает Торл-Элерл.

- Вы свернете свою деятельность на станции, - жестко говорю я. - В порабощении разумных и работоторговле я участвовать не собираюсь. И Узел перевалочным пунктом для этого не будет!

Очень хочется выгнать этих нечистоплотных личностей совсем. На хрен. А еще лучше велеть им оставить бедную радиоактивную планету в покое.

Увы, никакой реальной силы за мной не стоит. Только персонал станции (который тоже пока ко мне присматривается), удачно скомбинированные новости с сарафанного радио да наглый блеф.

Чтобы успокоить свою совесть, я обещаю себе: потом. Когда я разберусь, как здесь все работает, и накоплю собственный ресурс - военный, дипломатический, административный, какой угодно. Тогда никакой работоторговли не будет там, где я знаю о ней.

- Я подумаю, - говорит Торл-Элерл.

- Подумайте, - отвечаю я. - Ультиматум истекает через три часа.

Я не говорю ему, что будет после окончания срока ультиматума. Сам не знаю. Сил реально выселить ацетиков из их модуля у меня нет, а отключить им свет, воду и гравитацию не имею права: они и впрямь платят все аккуратно. Только и остается, что пожаловаться в Межзвездное сообщество. А эффективность этой меры, мягко говоря, сомнительна.

С этим Торл-Элерл уходит.

* * *

Следующей меня ждет встреча с тораи. Ардено Нолькарро на удивление мало отличается от своей игровой версии, поэтому разговор, в отличие от беседы с Торлом-Элерлом, проходит куда эмоциональнее.

Здесь и заламывание щупалец, и возмущение моим поведением, и угрозы раскатать станцию по модулю, и напоминание о его высоком положении – как любой Старший, Нолькарро имеет огромный вес в обществе тораи. Его можно сравнить с феодалом... нет, скорее сатрапом крупной области. Только вот во власти его не территория, а множество других тораи: его ученики, ученики его учеников, и так далее, и так далее. Если у нас «вассал моего вассала – не мой вассал», то у тораи все наоборот: их молодежь испытывает перед Старшими куда больший трепет, чем перед Средними, которым непосредственно подчинена.

Поэтому Ардено Нолькарро считает, что никто ему не указ и что расплаты за эту его аферу в любом случае не последует. Может быть, конечно, только бравивирует переговоров ради – мне чудится в его тоне неуверенность.

Срабатывает, как ни странно, клишированная фраза, которая вылетает у меня из глубин подсознания:

– Вот и подумайте, какой пример вы подаете своим ученикам!

После этого Ардено Нолькарро и в самом деле берет паузу на размышление.

Теперь мне остается только ждать.

7

Ацетики и тораи ожидаемо – хоть и явно нехотя – соглашаются с моим ультиматумом, и у меня появляется возможность выдохнуть. Ну как выдохнуть... Скажем так: я могу позволить себе иногда почесываться и ходить в туалет без

секундомера. А вот есть не на бегу пока не выходит. И в освободившиеся минуты я возвращаюсь к мыслям, над которыми я думал во время моего длинного двухнедельного перелета с Абдурканом Рахманом (эх, какое блаженное было время! Есть, спать, читать, гладить Белкина и пялиться в экраны – если это не рай, то я не знаю, как вам угодить!)

Мысли мои текли тогда – и сейчас текут – следующим образом.

В игру, которая имитирует космическую станцию, играть можно бесконечно. Надстраивать новые модули, разрешать мелкие неурядицы, открывать все новые и новые квесты, повышать свою репутацию до заоблачных величин и накачиваться финансами – вплоть до того, чтобы все мелкие расы этой вселенной (ну например, те же омикра или технологически отстающие Превосходные) добровольно пошли под мою руку и признали меня своим господином и повелителем. А что? Достойный финал для хорошей игры, я бы непременно так сделал!

Но в реальности ничего не выйдет. В реальности станция создана не для меня и не для других игроков, которые просто так в нее играют, а для вполне определенных нужд. Нужды эти прописаны были еще в лоре игры, куда их скопировали прямо из сведений, переданных инопланетными заказчиками. По дороге сюда я эту информацию у себя в голове освежил.

В общем, около сорока лет назад в Галактике случилась катастрофа – взрыв сверхновой, который то ли не предугадали вовремя, то ли недооценили его серьезность. В результате несколько населенных планет были уничтожены подчистую... в смысле уничтожено все живое на них. А заодно и на кораблях, космических станциях и прочих объектах, которым не повезло оказаться в том секторе пространства. Погибла даже метрополия Парящих – забавного народца, похожего на феечек – что тут же выкинуло их из статуса одной из самых развитых рас в галактике, превратив в бедных родственников.

Все это произвело на развитые расы удручающее – и очень сильное – впечатление. Что если в следующий раз, рассуждали они, взрыв сверхновой будет настолько мощным, что уничтожит всю жизнь в целом участке рукава Галактики? Ведь все известные разумные расы, хоть по собственным меркам находятся далеко друг от друга, на деле расположились в рукаве довольно компактно и не слишком отличаются друг от друга возрастом (почему так произошло – есть несколько интересных теорий, но углубляться в них я пока не

хочу).

Тогда эти расы создали Межзвездное содружество с одной-единственной целью: застраховаться от полного вымирания. Для этого, решили они, необходимо построить корабль, способный отправиться в соседний рукав галактики прямо через межгалактическое пространство, и подобрать для него экипаж, который сможет там основать жизнеспособную колонию. Такой заковыристый способ вместо привычной «ползучей» экспансии от звезды к звезде вдоль рукава был выбран для того, чтобы не загнать самих себя в ловушку неизвестности. Ведь пространство вокруг обитаемой зоны рас содружества было уже более-менее изучено, и, соответственно, в соседней зоне с той же звездной плотностью стоит ожидать схожих условий. Тогда как продвижение вдоль по рукаву на то же условно-пульсаробезопасное расстояние неминуемо приведет в участок либо с большей плотностью (ближе к Центру с его гигантской черной дырой и прочими пертурбациями), либо с меньшей (а там может быть на порядки меньше подходящих планет).

И вот тут возникли сложности. Дело в том, что путешествие в межгалактическом пространстве пока рассчитано только теоретически; практически были попытки преодолеть его через найденные здесь аномалии, но из отправившихся никто не вернулся. Может быть, только пока: согласно некоторым теоретическим выкладкам, покорение таких огромных пустых пространств все-таки не может быть мгновенным и потребует от путешественников несколько лет. Или десятков лет. Или еще больше.

Вторая сложность – логистическая. Связь на таком расстоянии будет невозможна (или очень сложна), наладить регулярное сообщение тоже будет очень трудно и дорого. Поэтому будущим колонистам придется не только уходить в неизвестность, но и делать это в условиях полной автономии.

Было рассчитано, что если вы не хотите обречь колонистов на деградацию и последующий постепенный подъем до технологических вершин – без гарантированного выживания, конечно же – то на колонизацию нужно отправлять не просто один корабль, а целый летучий город-государство, с замкнутыми технологическими цепочками, способный обеспечить себя сырьем и воспроизвести научную школу. Ну и, разумеется, такой корабль-город должен быть населен большим количеством разумных, чтобы избежать вырождения.

Быстро выяснилось, что такой проект ни одной расе в одиночку не под силу. Или под силу, но все хотят сэкономить. И было решено попробовать ради такого дела объединиться.

А поскольку сотрудничать инопланетяне между собой категорически не умели – незачем им было этому учиться до сих пор – они для начала выстроили станцию «Узел»... еще точнее, первый прототип станции «Узел», который в итоге был взорван, не проработав и нескольких месяцев.

Потом был второй прототип... и, наконец, третий, чьим гордым капитаном я ныне являюсь. К этому времени из первоначальных пятнадцати спонсоров проекта осталось всего шестеро, а руководство станции решили отдать искину.

Официально – потому что живой человек не может быть абсолютно беспристрастен и неизбежно начнет выказывать предпочтение своей расе. Неофициально – потому что не нашли идиота, согласного занять этот пост и способного при этом поладить с теми немногими энтузиастами, которые тащили и тащат на себе всю сложную экосистему станции. Среди последних, кстати, и Миа с Бриа, и Нирс Раал, и Нор-Е.

Этого-то искина землянам и поручили обучать. Остальное – достояние истории. В том числе и моей личной истории.

Ну вот, так или иначе, у станции «Узел» есть вполне конкретная цель. Даже если основатели Межзвездного содружества, занятые постоянными дрязгами и перепиливанием скудных общественных фондов, уже особенно и не верят, что она будет достигнута. Да и не хотят уже ее особенно достигать, ведь у страхов есть свойство забываться.

Однако вне этой цели станция не имеет смысла... и вдвойне она не имеет смысла, если все ее арендаторы в своих модулях занимаются какими-то своими бизнесами или внутренними разборками.

«С этим нужно что-то делать!» – хорошая мысль, пока ты лениво добираешься до своей цели. Но ей недостает конкретики. Что именно делать – вот вопрос.

В идеале было бы неплохо создать какой-то общий проект, типа выведения личинок зогг. Недаром за него давали так много баллов.

Но никаких личинок зогг на деле не существует, их выдумали земные сценаристы.

А вот еще одна моя идея – с конкурсом для владельцев кафе и ресторанов – вполне пришлась искину и команде станции по вкусу. И неудивительно: ведь он тогда изменил для меня условия в игре именно за тем, чтобы я решил возникшую в реальности проблему – станция не может нормально развиваться без фастфуда, доступного всем расам... ну или хотя бы большинству.

Незадолго до бегства искина они как раз запустили подготовку этого соревнования – в реальности, разумеется, это занимает больше времени, чем в игре – так что я все же имею шанс посмотреть на то, на что мне не удалось полюбоваться в игре. Может быть, я даже в жюри войду, посмотрим. Если время будет.

И все же еда, подходящая для разных видов разумных – это важный, но не единственный залог совместной деятельности. Есть и более насущные аспекты...

Чтобы обсудить их, я звоню Вергаасу:

– Найдется минутка?

– Да, как раз закончил на пару мелких воришек страх нагонять. Мне в твой кабинет подойти или так перетрем?

Вергаас и Нор-Е как-то сразу начали обращаться ко мне на «ты» – и я ничего не имею против.

– Лучше подойди, – говорю я. – Разговор щекотливый.

Так что Вергааса я встречаю в своем кабинете, сидя за столом. На столе передо мной сидит Белкин и млеет перед моими поглаживаниями – в лучших традициях беседы, которую я собираюсь вести.

– Межзвездная мафия? – удивленно спрашивает Вергаас в ответ на мое вступление.

– Ну да, – отвечаю я. – Понятно, что для игры вы многое упростили, но у такой структуры в реальности есть чему поучиться. Ну хотя бы – они организовали множество разумных для ведения совместной деятельности, пусть трижды незаконной. Должны быть какие-то приемы, не только насильственные. Чисто административные тоже, или там психологические, которые мы можем перенять. Не может их не быть.

– Да, интересная мысль. Можно было бы поучиться, – кивает задумчиво Вергаас. – Если бы такая структура существовала.

– Что? – слегка фигею я. – А зачем ее тогда включили в игру?! Да так, что пришлось с тебя целого непися делать?

Вергаас хмыкает.

– А затем, чтобы искин отработал навыки незаконного взаимодействия и методы работы с этически неоднозначными ситуациями. Ну, это выражаясь по-научному. Ты Мийгран спроси, она тебе лучше объяснит.

Мийгран – это та самая постаревшая Цуйшели, которую я видел на заседании. На самом деле она старший социолог проекта и очень многим в него вложилась. Юная преступница Цуйшели – разработанный ею непись (и иногда аватар) для проверки психологической зрелости испытателей искина, что бы это ни значило. А Мийгран – еще один аватар, где она с другим обликом, но под собственным именем решила испытать лично меня во время недоброй памяти «ритуала плодородия».

Как и ее аватар с того празднества, Мийгран немолода, но очень хороша собой и занимает высокое положение в обществе три-четыренадцать.

– И спрошу, – говорю я. – Она у меня следующая на очереди. Ну через одну. Прямо после тебя хочу поговорить с доктором Сонг.

– Это кто? – удивляется Вергаас.

– Это ее псевдоним был в игре... то есть у ее функции, так-то у нее имени нет, у гнорр ведь их не бывает. погоди, сейчас посмотрю, как ее тут называют...

Тянусь, чтобы открыть у себя на пульте-столе платежную ведомость, где перечислены все сотрудники станции, от меня, Нирса, Бриа и Нор-Е до последнего оператора роботов-уборщиков.

- Кто такие гнорр? - тем временем продолжает выпрашивать Вергаас.

Мне хочется сказать что-то типа «кончай тупить» или «кончай разыгрывать новичка, это у вас типа инициации, что ли?»

Но тут до меня доходит.

- Если в реале нет мафии и вообще никаких совместных институтов, значит, единую медслужбу тоже земные сценаристы придумали? - обреченно спрашиваю я.

- А они придумали вам единую медицинскую службу? - восхищается Вергаас. - Да, нам было бы куда проще, если бы такая существовала. Увы, у нас есть только сервис поиска нужных специалистов. Не бывает таких врачей, которые лечили бы все расы.

Ну да, думаю я, ведь даже чтобы научиться лечить одну расу, нужно учиться всю жизнь... А мнемोगраммы Уайта - это все-таки выдумка. Даже тораи со своими телепатическими передатчиками не умеют делать ничего подобного, я узнавал.

Впрочем, я слышал мнение, что на врачей учатся так долго вовсе не потому, что профессия такая сложная и ответственная (хотя и это тоже), а потому что медицина на Земле даже в двадцать первом веке еще в зачаточном состоянии. Многого о своем организме мы просто не знаем. Даже единой понятной терминологии биология и биохимия так и не выработали. Если бы мы разбирались в наших телах хотя бы так же, как в механизмах, то врачей учили бы не дольше, чем инженеров. Или вообще механиков.

Почему бы не предположить, что у инопланетян медицина наконец дошла до этого уровня? Ведь и у нас механики разбираются не только в каком-то одном типе механизмов. Да и ветеринары вполне себе лечат разные виды, хоть спрос с них и меньше. Так что не такая уж далекая от реальности фантазия у наших разработчиков. Но тут уж голимая имха, понятно.

– Стой, погоди, припоминаю! – морщит лоб Вергаас. – Я же видел эту вашу игру...
Врачом у вас было такое... четыре ноги, как у хищного насекомого, двигается
как робот-убийца, белое, жуткое?

Довольно точное описание гнорр, хотя вот от сугирру это слышать странно. Еще
бы ацетик на их жуткий облик пожаловался.

– Вроде того, – сдержанно говорю я. – Но мне она нравилась. Чувство юмора у
нее было отличное.

Только произнеся это, я тут же понимаю, насколько это правда. Не скажу, что
докторша-гнорр была моим любимым персонажем в этой игре – эта честь в
любом случае принадлежит Бриа, которую отыгрывала Миа (вы еще не
запутались? Я – почти!). Но все же услышав, что ее не существует, я за
несколько секунд испытал все стадии принятия горя: неверие, гнев (как они
могли!), торг (а может быть, они все же срисовали ее с кого-то реального, и если
как следует поискать, прототип найдется?), уныние (ну вот, и с кем мне теперь
оттачивать черный юмор?) и принятие (ладно, проехали, плывем дальше).

– А, ну тут-то ты и должен был догадаться, что ее ваши придумали, – не замечая
моих переживаний, говорит Вергаас. – Чувство юмора у разных народов редко
совпадает. Хотя вообще, – тут он внезапно меняет тон с иронически-
равнодушного на более душевный, – вообще-то это очень хорошо, что она тебе
нравится. Несмотря на жуть.

– Ну странно было бы оценивать людей по внешности, если ты командуешь
космической станцией.

– Естественно, – кивает Вергаас. – Не всем же быть такими красавцами, как мой
народ! Просто испытывать искреннюю симпатию к тем, кто выглядит странно и
непривычно – это не каждому дано. А ты вон даже неразумного компаньона
прикормил! – я не сразу соображаю, что речь идет о Белкине. Может, и не
сообразил бы, если бы Вергаас не кивнул на кота, который к этому времени
свернулся калачиком и заснул от моих поглаживаний. – Может, это одна из
причин, по которой тебя выбрали.

– Да нет, – говорю я, – многим землянам плевать на внешность. И домашние
животные много у кого есть.

– То-то у вас войны идут из-за того, что у кого-то кожа фиолетовая, – фыркает Вергаас, обнаруживая неожиданное знание земного контекста.

– Это Абдуркан в блоге написал? – обреченно спрашиваю я.

– А то как же! У него сейчас серия постов «Виды Земли». Очень интересно.

* * *

Юмор юмором, шутки шутками, а то, что на станции «Узел» – на межвидовой станции, мать вашу! – нет даже намека на стабильное, институционально организованное межвидовое сотрудничество, меня вымораживает.

Подумав, я решаю попробовать выкроить в своем расписании дополнительное время и все же провести этот разговор с Цуйшели... и решаю пригласить на него еще и Миа с Бриа. Ибо консультации дипломата и юриста для моей задумки – неоценимы.

К сожалению, время не выкраивается, особенно у талесианок, которые по горло заняты разгребанием последствий не случившегося «горячего» конфликта между ацетиками и тораи. Им приходится писать цидули в Межзвездное содружество, объясняя принятые меры как-нибудь так, чтобы не упомянуть при этом шантаж; а заодно следить за тем, чтобы ацетики действительно демонтировали и вывезли все свое оборудование... ну или хотя бы его перенацелили. Последнюю задачу я мог бы поручить службе безопасности, но Миа резонно заметила, что она сможет сделать это тактичнее – и нужно позволить ацетикам сохранить лицо.

«Несмотря на их прагматичность, капитан, они очень хорошо почувствуют этот нюанс».

Ну почувствуют, так почувствуют... Но это означало, что собрать нужных фигуранток в одном кабинете я смогу только завтра с утра.

Послеобеденное же окно условно свободного времени я посвятил совещанию с Нор-Е. У него, по его собственным словам, свободного времени было еще

меньше – замена аккумуляторов занимала гораздо больше времени и требовала куда больше рук и лучшего контроля специалистов, чем обслуживание энергоустановки.

– Но, капитан, если мы поговорим о том, как взять еще одну установку, то я весь твой, – заявил мне соноранец. – Готов даже пожертвовать своими законными десятью часами сна.

– Десятью? – поражаюсь я. – Надо же, мне с момента прилета только по пять удалось выкраивать.

– Наша раса очень умна и активна, – клыкасто улыбается мне ящер, – поэтому нам нужно много отдыхать, чтобы восстанавливаться. В норме мы спим двенадцать или четырнадцать часов, некоторые и больше. До этого назначения я спал по шестнадцать, – ностальгически вздыхает Нор-Е. – Чудесное, золотое время! Десять – это мой абсолютный минимум, чуть меньше, и толку от меня будет, что от грязной тряпки.

– Надо же, – качаю я головой. – Но я именно это и собирался обсудить: что нужно сделать, чтобы купить новую энергоустановку. Я смотрел бухгалтерский баланс станции, мы в солидном плюсе. У нас ежемесячная прибыль около двух миллионов кредитов, энергоустановки нужного класса стоят меньше миллиона даже со сборкой. Так что, ты выбираешь поставщика, предоставляешь мне документы на покупку, а я подписываю накладную?

– Не все так просто, – качает головой Нор-Е. – Хотя я понимаю, почему ты не разобрался. Бухгалтера у нас так и нет с тех пор, как Гелли ушел. А от искина прямого ответа не добьешься. В общем, деньги на счету станции, конечно, есть. Но распоряжаться мы ими не можем. Потому что это деньги Межзвездного содружества. То есть – частично его, а частично акционеров напрямую.

– Чего? – поражаюсь я.

– Да, – говорит Нор-Е. – В этом есть свои плюсы: когда первые месяцы мы были в минусе, Содружество все равно покрывало наши расходы. Кроме того, раньше, пока станция еще строилась, искин станции и начальники служб, вроде меня и Нирса, имели больше прав распоряжаться положительным сальдо. Но после юридического завершения этапа возведения... – Вот завернул, думаю я, «этап

возведения», надо же! – ...Содружество гайки прикрутило. Теперь нужно спрашивать разрешение на любую крупную покупку. И энергостанцию они мне ни в какую не хотят санкционировать. Говорят – нормально с аккумуляторами работаете, да, дороже, но вам же хватает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/madoshi_varvara/stacionnyy-hranitel

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)